

152
გეოგრაფიკული საზოგადოების საქართველო
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

განს, ისტორიისა და მაცდრ. კულტურის ინსტიტუტი ვაკ. ბ. შარავ სსს.
Ин-т языка, истории и матер. культуры им. акад. Л. Я. Марра

მ ა ს ა ლ ე ბ ი

საქართველოს და კავკასიის ისტორიისათვის

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КAVKAZA

ნაკვეთი V ВЫПУСК

ტფილისი
1937

ინის, ისტორიისა და მატერ. კულტურის ინსტიტუტი აკად. ნ. მაკის სსრ.
ИН-Т ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И МАТЕР. КУЛЬТУРЫ им. акад. Н. Я. МАКРА

5558-1

მ ა ს ე ლ ე ბ ი

საქართველოს და კავკასიის ისტორიისათვის

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

ნაკვეთი V ВЫПУСК

სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის გამომცემლობა

თბილისი

1937

ТБИЛИСИ

Г. Я. НАТАДЗЕ.

КРЕСТЬНЯЕ „САХАСО“ В ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ
В КОНЦЕ XVIII СТОЛЕТИЯ.

До настоящего времени недостаточно выяснена классовая структура всего населения Восточной Грузии во второй половине XVIII в. Данных по этому вопросу среди архивного материала, как печатного, так и неопубликованного не мало, но классифицировать их, сопоставить и увязать друг с другом подчас противоречивые указания, выделить случайное от основного, уловить основную тенденцию развития классовых взаимоотношений дело не легкое. Поэтому исследователь на каждом шагу наталкивается на большие затруднения. Тем не менее, я решаюсь обнародовать некоторые мои выводы в этой области, в надежде на то, что, как бы скромны и незначительны ни были они, вызовут отзвуки, замечания, критику и дополнения, в результате чего получится коллективная работа, которая может только обеспечить прочные достижения.

Но осилить сразу весь этот труд — дело непосильное. Когда перелистываешь фолианты печатных и рукописных актов, перед глазами разворачивается такая сложная канва сплетения интересов различных социальных групп, что каждый шаг по пути к выяснению взаимоотношения социальных групп требует особой кропотливой работы и точного анализа. Поэтому в данный момент я решил остановиться преимущественно на вопросе об экономическом положении и политическом значении крестьян „сахасо“, как одной из наиболее многочисленных групп крестьян в Вост. Гру-

зии — во второй половине XVIII столетия. Почему я выделяю эту категорию крестьян и считаю нужным заняться ими в первую очередь, это видно будет из дальнейшего изложения.

Но предварительно все же необходимо отметить, что эта категория крестьян — не новое явление в жизни Восточной Грузии. Мне не удалось проследить, когда впервые вошел в обиход грузинской речи, этот термин, но совершенно очевидно, что категория крестьян, носящая название „сахасо“, характерное явление для вполне развитых и развернувшихся феодальных отношений. „Хас“, по объяснению В. В. Бартольда¹, слово арабское и означает „собственный“. Это слово в сочетании с „инджу“, по его же словам, встречается со времени монгольского нашествия, как видно из армянской надписи на городской стене Ани. В том же сочетании слово „хас“ встречается много раз у Рашид-ад-дина, как об этом читаем в том же исследовании Бартольда. Но особенно важно отметить „рассказ о выкупленных Газан-ханом монгольских пленных, которые все сделались его кебтеулами (гвардейцами) и собственным инджу“, а также „рассказ о том, как для содержания каждый „орды“ (т. е. двора каждого царевича или царевны) была определена область „из собственного инджу“ (хасинджу).

Из этих данных видно, что „хасом“ могло быть и имение, могли быть и люди, но могло быть также и то и другое одновременно. Видно также, что имения и крестьяне категории „хас“ предназначались и для содержания дворов царевичей и царевен. Термин „хас“ (ხასი) встречается у Ш. Руставели в его знаменитом „Вепхис-ткауосани“, что указывает на то, что у грузин он был в ходу и до монгольского нашествия. Но здесь этот термин употребляется не сколько в ином значении. Здесь „ხასი“ означает вельможу, придворное лицо². Отсюда и термин „სახასი“. Термин „хас“

¹ В Бартольд Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. С.-Петербург. 1911 г., стр. 23.

² „ისი კაცი ჩანხაგორი დარბაზს იყო შეჭად ხასი“. Этот Чачнагир при дворе был весьма „хас“. Исходя из первоначального значения слов „хас“ в арабском языке, эту фразу Ш. Руставели можно истолковать

с грузинским префиксом и окончанием, означающим принадлежность или назначение (ბა-ბაბი), мог впервые появиться после арабского периода или после монгольского, т. е. или непосредственно от арабов, или же через посредство монголов. Но и в том и в другом случае, очевидно, и по своему филологическому смыслу и общественному значению этот термин связан с феодальной формацией, которая окончательно сформировалась в Грузии после арабского нашествия и дошла до крайних пределов своего развития после монгольского владычества. Действительно, если вдуматься в смысл этого термина, исходя из объяснения академика Бартольда, имения и крестьяне „сахасо“ являются прямым детищем феодальных отношений. Каждый феодал, владевший феодалом и обладавший иммунитетным правом, имел и своих собственных крестьян, но эта собственность была условной, т. к. власть высшего сюзерена простиралась и на них. Но глава государства был таким же, только более крупным феодалом, у него был свой феодал и были свои крестьяне, которые и кормили как самого царя, так и его детей. Но так как только имущество носителя высшей власти было безусловной собственностью, оно одно и называлось „хасом“. Но значение „сахасо“ не исчерпывалось только этим. В тяжелые периоды внутренних смут, выражавшихся в борьбе феодалов против центральной власти, крестьяне „сахасо“ должны были быть главной опорой последней, как живая военная сила. В данном случае значение этой категории крестьян зависело от того, насколько центральная власть имела право распространять свою власть на частновладельческих крестьян и насколько она имела возможность фактически пользоваться этим правом, если она им обладала. Возможно, что в крупнейших азиатских державах было иначе, но в Грузии в этом отношении власть царя в после-

так: Чачнагир при дворе был весьма принят“, т. е. был своим человеком. (— собственным инджу „хас-инджу“, сказали бы монголы). Ш. Руставели. Вепхис-тқасани, изд. Абуладзе, строфа 135. См. также объяснение этого термина в комментариях Ю. Абуладзе, там же стр. 203. См. также Вепхис-тқасани строфы 179, 1306, 595, 884, 1268, 1505, 812 1704 и др.

монгольский период была большей частью ограничена. Вероятно, по этой причине в Грузии название „сахасо“ применялось и в отношении имений феодалов, находившихся в их непосредственном распоряжении и пользовании. В этом смысле „сахасо“ равносильно европейскому „terra dominica“. Таким образом в Вост. Грузии термин „сахасо“ в общегосударственном масштабе означал государевых и удельных крестьян с их наделами, а в масштабе отдельного феодального домена-имения и крестьян, находившихся в непосредственном распоряжении феодала. Я не считаю нужным здесь делать выписки и ссылки, т. к. последнее положение слишком очевидно даже из многочисленных изданных документов.

Помещики весьма ревниво и бдительно охраняли свое имущественное право. Цари грузинские, как об этом свидетельствует Ираклий II в одном из своих актов, имели право по вступлении на престол или при перемене владельца заново утверждать „сигели“ на владение, но, раз утвердивши, вмешиваться во внутренние дела феодалов они не имели права. В случае же необходимости вмешательства, созданной внутриполитическими осложнениями, центральной власти приходилось опираться на государевых и удельных крестьян, т. е. на „сахасо“.

В период прочности и незыблемости феодальных порядков не только в Грузии, но и в окружающем мире разряд крестьян „сахасо“ являлся одним из характерных явлений феодальных отношений.

Царской власти удавалось при их помощи сохранить за собой некоторое преобладание над вассалами в форме неустойчивого равновесия между ними. Но в период усиления торгового капитала удельный вес крестьян „сахасо“ меняется. С XVIII столетия количество крестьян этой категории сильно возрастает и в связи с этим усиливается и их политическое значение. Захват Индии английским капиталом, начало капиталистического производства оказывают заметное влияние на страны Передней Азии и в частности на Грузию. Старая феодальная раздробленность и замкнутость теперь была уже немыслима. Переустройство хозяйства под общим ру-

ководством центральной власти было неизбежно. Поэтому центральная власть изыскивает средства объединить страну под свою власть, при условии сохранения основ феодального строя. Разгром полунезависимого арагвского эристава и упразднения этого эриставства, разгром ксанского эриставства были первыми шагами на этом пути. В этой борьбе крестьяне сахасо приобретают особенное значение и поэтому центральная власть всеми способами старается усилить кадры этих крестьян, врезываясь с их помощью в старые феодальные владения.

Что касается экономического положения крестьян „сахасо“, то хотя они были такими же крепостными, как частновладельческие крестьяне, но фактическое положение их было несколько легче, чем последних, особенно в XVIII столетии, когда обострение борьбы между центральной властью и феодалами, вынуждало ее давать им разные льготы и ставить в привилегированное положение по сравнению с прочими. На этот счет не оставляет никакого сомнения приказ Ираклия II, изданный 1788 году, после захвата им владений ксанского эристава. Там говорится о том, что ущелья Ксани и Лиахви, населенные осетинскими и грузинскими крестьянами, превращены в „сахасо“. При этом Ростому Эристави, который, очевидно, не подвергся немилости царя, по примеру других эриставов, вместо отцовского наследства в захваченном царем районе, предоставляется имение в другом месте. Затем, обращаясь к самому крестьянству, царь говорит им, что, кроме милостивого отношения, с его стороны, по отношению к ним ничего не будет. Чтобы им убедиться в этом, царь приглашает их представителей в Ахалгори с тем, чтобы там они заявили ему о своих нуждах. Местной же администрации он повелевает не беспокоить зря крестьян и самим являться к царю с докладами, когда это окажется необходимо¹.

Другое еще более характерное распоряжение принадлежит перу царевича Георгия. Из ахалгорского маурава Арджевана Пицхилаури подает жалобу отданный ему крестьянин

¹ Сак. Сидз. т., II, № 410.

Ксанского ущелья, сел. Ламискана Мчедлишвили. Жалуется он на него за взимание непомерных и незаконных налогов. Царевич Георгий в своей резолюции приказывает Арджевану «относиться к этому крестьянину снисходительно» и «заставлять его служить себе по мере сил». В конце же этого документа приписка того же царевича, в которой он советует Арджевану не разорять этого крестьянина, чтобы он мог служить и его детям.

Конечно, такое отношение к крестьянам объясняется не желанием смягчить крепостное право и упразднить феодальные порядки, а только желанием подорвать силу и власть феодалов в свою пользу. Это видно, хотя бы из того, что, как видно из многочисленных актов при том же царе Ираклии II, те же «сахасо» отдаются в крепостные дворянам и князьям, что тогда создает немало хлопот самой же центральной власти. Поэтому она решается на этот шаг осторожно и отдает крестьян в крепостные небольшими группами, менее знатным и сильным лицам и только в случаях крайней необходимости. Борьба за крестьян «сахасо» между центральной властью и феодалами в Восточ. Грузии является одной из характерных сторон политического кризиса, охватившего ее в конце XVIII столетия. Но чтобы определить удельный вес этих крестьян, необходимо привести некоторые данные, касающиеся их места среди других крестьянских групп.

2

Для выяснения классового расслоения населения Вост. Грузии я пока что использовал следующие материалы:

1. Материалы по статистическому описанию Грузии в XVIII столетии, изданные в 1907 году под редакцией Е. Такайшвили. Этот сборник делится на 2 части. Первая часть содержит в себе описание Сабаратиано и Сомхитии, т. е. Борчалинского уезда и части Тифлисского, а вторая часть — описание Арагвского ущелья. Первое описание составлено

в 1721 г. царевичем Вахуштом и Туманишвили Гиви по распоряжению Вахтанга VI, а второе 1774 г. Луарсабом Макашвили и Манучаром Туманишвили по распоряжению царя Ираклия II.

Первое описание хронологически слишком далеко отстоит от конца XVIII столетия; поэтому им можно пользоваться только в исключительных случаях, причем сохраняя сугубую осторожность в виду того, что как раз в период второй половины XVIII столетия в экономическом положении Грузии произошли такие большие изменения, что они не могли не вызвать перемещений и в социальном составе населения. Зато второе описание по времени вплотную подходит к разбираемому нами периоду, и следовательно им можно пользоваться без особенного риска впасть в большие затруднения

2. „Саамилахарос давтари“ — давтар князей Амилахвари, изданный под ред. С. Н. Какабадзе Центрархивом Грузии в 1925 г. Этот документ представляет собой список всех жителей мужского пола, населявших пределы сардачества князей Амилахвари, обязанных стать во время войны под знамя своего сардала. Население описано подымно, с указанием количества душ, обязанных военной службой из каждого дыма или двора при условии иметь свое оружие, и своего коня. Этот документ составлен во второй половине XVII столетия и ни в какой мере не характеризует положение в конце XVIII столетия, но его данные необходимы нам для выяснения тенденции развития социальных отношений в период XVII и XVIII ст. Поэтому, конечно, эти данные придется дополнить новыми, непосредственно относящимися к концу XVIII ст. Такие данные дают некоторые описи имений и списки крепостных крестьян тех же князей Амилахвари, относящиеся к интересующей нас эпохе.

3. Описание Кахетии, изданное Г. Бочоридзе. Этот документ составлен в самом начале XIX столетия, уже во время русского владычества на Кавказе, но представляет собою сводку материалов, относящихся к концу XVIII века. Следовательно, он отражает действительность именно интересующего нас периода. В этой описи широко очерчивается

картина социального расслоения почти всей Кахетии, за исключением Кизикии (впосл. Сигнахский уезд)

Кроме того, у меня под рукой довольно большое количество неизданного материала, хранящегося в Центральном архиве Грузии. Эти описи и давтары дают ценные дополнения к изданным материалам, перечисленным мною. Из них наибольший интерес представляют: опись имений и крепостных Дмитрия Амилахвари. Такие же описи других представителей этого княжеского рода, 3 давтара, содержащих в себе список крестьян Арагвского ущелья, платящих налог под названием „калани“.

Вот основной материал, которым я располагаю для выяснения социальных отношений в грузинской деревне конца XVIII века. Конечно, этого материала недостаточно для выяснения всех деталей вопроса. Подчас в них встречаются даже неразрешимые противоречия, но при их внимательном изучении, на мой взгляд, исследователь не лишен возможности установить основные деления населения и главные экономические основы противоречия классовых интересов деревни изучаемой эпохи. Что дает нам этот материал? Прежде всего на основании данных, почерпнутых из перечисленных описей и давтаров, мы можем установить главные зоны большего или меньшего обострения классовых интересов, в конечном итоге выражающемся в степени развития феодальных отношений вглубь и вширь. Правда, имеющийся у меня под рукой материал не охватывает всех областей Восточной Грузии без исключения, но основные типичные районы все же представлены в достаточной мере. Прежде всего мы имеем довольно точные данные для основного центрального хлебного района Грузии, так называемой внутренней Карталинии, дающий нам картину наибольшего развития крупного землевладения и крепостных отношений. Географически этот район охватывает, судя по „Саамилахвос давтари“, нижнее течение реки Лиахвы. С севера переходит в долину речки Лехуры до самой границы Ксанского ущелья и упирается в течение р. Куры около сел. Каспи. Следовательно он захватывает собой между прочим значительную часть Тирипонского поля, являющегося

житницей всей Карталинии, и по данным, часть которых мной уже использована раньше, (см. „История классовой борьбы в Закавказье“ мою статью) кормившего даже Тифлис.

Второй район, близкий к первому, — это так называемые „Сомхития и Сабаратиано“, т. е. Борчалинский уезд и юго-восточная часть Тифлисского уезда. Это район не менее плодородный, чем центральная Карталиния, но в виду своего окраинного положения, чаще горийского района подвергавшийся вторжениям, почему процесс феодализации с ее строго определенной системой вассально-сюзеренных отношений не пошел так далеко как в первом случае. Частая смена владетелей, периодическое выселение жителей, ослабление и усиление княжеских родов, превратность их судьбы, не давала там развиваться в такой мере крупному землевладению и крепостным отношениям.

Третий район это Арагвское ущелье и нагорная часть Кахетии. Он представляет собой тип еще совершенно неразвитого феодализма и крепостных отношений в виду малого значения в экономической жизни населения землевладения и хлебопашества, в виду обилия гор и пастбищ и развитию скотоводства, являющегося главной, а местами даже единственной базой материального благосостояния населения.

Эти зоны степени распространения крепостного права я считаю типичными в виду того, что западная часть Карталинии как по своей природе и географическим условиям, так глав. обр. по развитию производительных сил приближается и тесно связана с тем районом, описание которого мы имеем. К указанному району Кахетии и к Арагвскому ущелью приближаются все прочие нагорные части Карталинии и Кахетии, а также и Кизикия с ее обширными алазанскими степями, которые тогда еще очень слабо были использованы для хлебопашества и служили главным образом пастбищем.

Посмотрим теперь, что нам дают наши описи относительно каждой из этих зон. Начнем с Карталинии. Давтар князей Амилахвари, изданный С. Н. Какабадзе, содержит в себе список дворов, которые должны были выставять ополченцев под знамя Сардала Амилахвари. Судя по об-

щей сводке, составленной издателем документа, в состав садрошо (военного округа), подведомственного Амилахвари входит 400 дворов из крепостных самого Амилахвари и 501 двор из крепостных других помещиков, включая сюда церковных и монастырских крестьян и азнауров. При этом среди помещиков, владеющих крепостными, преобладают мелкие и мельчайшие. Из сорока четырех помещиков, входящих в садрошо князей Амилахвари, владельцев не свыше 10 дворов—20; владельцев 10—20 дворов—11; владельцев 35-50—6. Из них самым крупным крепостником является Самтавнели, т. е. Самтависский архиерей, владеющий 51 двором, потом дворянин Канчаели Бидзина, владетель 50 дворов. Но за то есть помещики, являющиеся владельцами одного двора. Таких 3 из 44-х. Картина будет совершенно ясна, если добавить, что все эти мелкие помещики в той или иной степени зависимы от князей Амилахвари. Получается картина безусловного преобладания Сардала Амилахвари над всеми другими помещиками не только как военачальника, но и как помещика. Следовательно, пределы распространения его военной власти приблизительно совпадают с пределами распространения его власти, как помещика. Трудно себе представить возможность такой спайки среди всех мелких дворовладельцев, чтобы они могли противопоставить князьям Амилахвари силу, способную подорвать их мощь и влияние. Поэтому в конечном итоге у Сардала составлялся в минуты военной опасности мощный для такого небольшого района отряд, приблизительно из 2000 человек, вооруженных разным оружием, если принять во внимание, что каждый двор иной раз выставлял 2-х и 3-х вооруженных воинов. Такое безоговорочное господство Сардала Амилахвари устраняет всякую мысль о возможности проявления в каких-либо актах со стороны мелких помещиков классового недовольства, которое не могло не существовать по крайней мере в среде мельчайших помещиков, владевших крестьянскими дворами от одного до 5. Но они, конечно, предпочитали личной службой и верностью своему сюзерену заслужить милостивое отношение к себе и этим

пополнить свои скудные доходы, получаемые от небольшого числа крестьянских дворов:

Этим надо объяснить могущество Гиви Амилахвари, который и являлся, по словам издателя упомянутого документа, сардалом в то время, когда составлял этот давтар.

Теперь перейдем к классификации крестьян на основании этого же документа. Здесь указаны крестьяне исключительно помещичьи. Очевидно, государевых крестьян в этом районе в конце XVII ст. вовсе не было. Но и среди помещичьих крестьян не все были в одинаковом положении. Так, среди крестьян, находящихся в личном владении сардала Амилахвари (сахасо), обложенных повинностями (мосауре)—было 336 дворов из 400, которые выставляли 557 вооруженных ополченцев. Все прочие составляли разряд бесхозяйственных крестьян (богано), которые выставляли 56 вооруженных ополченцев.

Приведем аналогичные данные относительно крестьян других, более мелких помещиков. Общее число дворов, принадлежавших им, равнялось 501. Из них:

Мосауре (обложенных повинностями) 352, которые выставляли 558 вооруженных ополченцев. Все же бесхозяйственные (богано) выставляли 149 воинов. Если сравнить эти данные, то нам будет ясно, что у князей Амилахвари гораздо больший процент платящих повинности, чем у прочих мелких помещиков.

Количество бесхозяйственных у Амилахвари составляет	10,18%
„ „ „ у прочих помещиков более	26%

Какой же вывод можно сделать из этого? Во первых, то, что у крупнейшего владельца вся годная для обработки земля использована как, впрочем, и у других помещиков. Но разница в том, что у него гораздо больше возможности устраивать на земле своих крестьян, почему число богано у него гораздо меньше. Значит доходность его хозяйства несомненно выше доходности прочих хозяйств. Во вторых, крестьяне, входившие в разряд богано, так или иначе не могли не представлять собой наиболее недовольного и склонного ко всяким „преступлениям“ элемента. Значит, бесхозяйного элемента у князей Амилахвари было гораздо мень-

ше, чем у прочих помещиков. Впрочем, надо отметить, что богато представляли собой распыленный и разрозненный элемент, совершенно не осознававший причины своего тяжелого положения и поэтому в классовом отношении они были не развиты и неспособны к организованным выступлениям. Их стремление получить надел скорее могло их привести в столкновение с крестьянами, имевшими надел, чем с помещиками. В этом отношении вообще большую опасность представляли эти последние в виду того, что они жили компактно и занимали земли сплошными массами. Но в сардальство Амилахвари и с их стороны в это время не было опасности. По крайней мере о массовых крестьянских волнениях этого времени против феодалов нет прямых указаний, тогда как непосредственно после этого периода имели место.

Таким образом сардальство Амилахвари представляет собой типичный феодальный домен, являющий собой и в хозяйственном и в военно-административном отношении замкнутое целое. Единственной связью этого района с внешним миром, вернее с центром государства, был торговый путь из Тифлиса через Мухег, проходивший через село Самтависи, где находилась, по крайней мере позднее, застава, дававшая князьям Амилахвари доход деньгами.

Теперь посмотрим, насколько положение этого района изменилось спустя одно столетие, т. е. к концу XVIII столетия. Для этой эпохи мы имеем опись крепостных крестьян Димитрия Амилахвари, который считал себя наследником Гиви Амилахвари. Общее количество крестьян, находившихся от него в крепостной зависимости, гораздо меньше, чем мы видели по описи Гиви Амилахвари. Но зато имения более разбросаны. Есть случай, когда Д. Амилахвари владеет частью дохода одного угодья, например сада¹. Это обстоятельство можно объяснить отчасти разделом имущества между наследниками. Краткий акт этого раздела имеется у меня под рукой, и в нем можно усмотреть, насколько владения измельчали в Амилахварском роду².

¹ Арх. др. акт ф. VII № 1, 454.

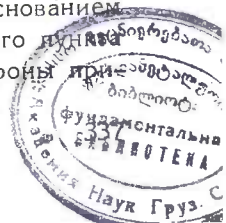
² Арх. др. акт № 1452.

Р-8555

Но не одно это явление ослабило род Амилахвари за это время. Заговор против Ираклия II, раскрытый во время, вызвал кару со стороны царя по отношению к целому ряду представителей этого рода, результатом чего было их изгнание из Грузии и отобрание имущества. С этого момента, надо полагать, начинается вторжение верховной власти внутрь этого замкнутого до сих пор домена и поэтому, понятно, могущество Амилахвари значительно пошатнулось. Впрочем, ослабление рода Амилахвари коснулось больше их политического могущества. Система же эксплуатации крестьянского труда несколько не изменилась, так как общее количество крестьян во всех имениях едва ли было меньше того, которое мы видим в описи Гиви Амилахвари. Разбро-санность имения лишила князей Амилахвари только возможности активного политического сопротивления центральной власти. Во всем остальном сардачество князей Амилахвари остается и в конце XVIII столетия районом широкого распространения крепостничества и почти полного отсутствия государевых и удельных крестьян, так называемых „сахасо“. При этих условиях верховная власть не имела возможности использовать крестьянство против феодальной знати.

Правда, она могла опереться на мелкопоместное дворянство, но оно было, как мы видим, слишком слабо в конце XVIII столетия, а спустя столетие, ситуация изменилась, но не в их пользу. Да и в интересы верховной власти не входило отстранение от власти высшего слоя дворянства, с которым царский дом по большей части был даже в родстве. Система конфискации имущества некоторых дворян и объявления их крестьян государевыми (სახასო) подтверждается еще другими фактами, например, в 1767 Ираклий III конфисковал одну треть имущества Шанше Эристави, который погиб в борьбе с царем, а $\frac{2}{3}$ он передал оставшимся ему верными князьями. Таким образом, он достиг двух результатов: с одной стороны пробил брешь в системе феодальной раздробленности отдельных долин и ущелий основанием там ячейки своего влияния и учреждением опорного пункта в виде государственных крестьян, а с другой стороны при-

влекал к себе сердца феодальных владетелей, уделяя им львиную долю конфискованного имущества (Арх. др. акт. ф. VII № 252). Из этого видно, что Ираклий II отнюдь не боролся против феодального строя, как такового. Он только старался укрепить свою власть над феодальной знатью, чтобы самому быть первым среди равных. Что касается крестьян „сахасо“, как мы увидим из дальнейшего, они были в более привилегированном положении по сравнению с состоятельными группами крестьян, неся только государственные повинности, поэтому они очень дорожили своим положением и, конечно, поддерживали царскую власть в случае ее выступления против феодальной знати.

Из этого ясно, что почти полное отсутствие таких категорий крестьян в сардальстве Амилахвари превратило этот район почти в самодовлеющую феодальную единицу, и род Амилахвари оказался из самых непокорных, почему Ираклию и пришлось пустить в ход против его представителей самые суровые меры. В результате он достиг было цели. После конфискации имущества некоторых представителей этого дома, он настолько приручил к себе его, что Отар Амилахвари даже не решился выступить против него и служил ему неизменно и верно, насколько верность понималась в феодальную эпоху. Он был лоялен, но только в пределах интересов своего домена, как это мы увидим впоследствии.

Насколько домен представлял собой обособленное целое с точки зрения экономических интересов, об этом дает нам представление документ № 4473, хранящийся в архиве древних актов. Этот документ интересен во многих отношениях. Но пока только ограничимся передачей его общего содержания. В нем рассказывается о заговоре мелкого дворянства во главе с Самтавнели, т. е. с епископом самтависским, которые целовали крест в присутствии епископа в верности друг к другу в борьбе против произвола и насилия, чинимых царскими сыновьями (уплисули), т. е. удельными князьями. Эту крестоцеловальную запись представили Отару Амилахвари, который дал свою санкцию этому заговору и сам вместе со своими сородичами присоединился

к заговору, в чем и расписывается. Самым характерным в этом документе является то, что перед лицом общего врага классовая борьба внутри княжеского домена умиротворяется. Здесь мелкие помещики идут вместе со своим сюзереном и даже обязуются друг перед другом не разорять и не обижать крестьян, дабы привлечь их в борьбе с внешним по отношению к домену насилием. При этом они особо говорят о борьбе с попыткой правительства увеличить количество государевых крестьян (сахасо), очевидно, зная хорошо, что именно этот разряд крестьян и является главным оплотом центральной власти.

Глава этого заговора общий их патрон и сюзерен Отар принимает предложение и привлекает к этому делу и своих сородичей из князей Амилахвари. Третье условие этого заговора заключается в том, чтобы бороться с притязаниями удельных князей (უფლისწულო), которые разорили помещичьих крестьян, вмешиваясь во внутренние дела домена. Для этого у них было много предлогов. Для примера я приведу один очень характерный случай своего рода конфликта между центральной властью и Отаром Амилахвари на почве вмешательства первой во внутренние распорядки домена. Некоторые крестьяне Отара Амилахвари не приняли участия в одном походе, предпринятом по распоряжению центральной власти под начальством царевича Юлона. По окончании похода лашкарнвис Оман Херхеулидзе должен был по предписанию центральной власти наказать этих крестьян за дезертирство отобранием части имущества. Отар Амилахвари вступился за своих крестьян и не позволил Оману Херхеулидзе исполнить долг. Оман Херхеулидзе не решился противоречить сильному магнату и только в высшей степени почтительном тоне, почти подобострастно, объявил ему, что он вознамерился поступить так в силу предписания его высочества, т. е. царя Грузии, но что если он, князь Отар, категорически протестует против этого, то он откажется от своего намерения наказать крестьян. В дело пришлось в конце концов вмешаться самому царю, который писал Отару, что крестьяне должны быть примерно наказаны отобранием части движимого имущества (აკლუბა) за

дезертирство и что отменить это распоряжение никак нельзя. Чем это дело кончилось неизвестно; неизвестно, отстоял ли своих крестьян гордый магнат или настояла на своем государственная власть. Но несомненно, что такое заступничество Амилахвари за крестьян укрепляло его авторитет в среде его подвластных, а царской власти бороться с этим явлением можно было бы только путем распространения института „сахасо“ за счет помещичьих крестьян. Пока это не было достигнуто, во владениях князей Амилахвари, как видно из вышеприведенных данных, классовая группировка и соотношение классовых сил и интересов складывалось гораздо благоприятнее для феодала, чем для центральной власти. Не только мелкопоместные дворяне, находящиеся в вассальной зависимости от Отара, считают для себя выгодным укрыться под крыло сюзерена и фактически объявить борьбу центральной власти, хотя и заявляют лицемерно, что они это делают, отнюдь не посягая на прерогативы власти, но даже допускается возможным, что крепостные крестьяне, при известном смягчении отношения к ним со стороны дворян, поддержат заговор. Допуская такую комбинацию, заговорщики, очевидно, рассчитывали на известную классовую рознь и противоречия классовых интересов между помещичьими и государственными крестьянами, чего не могло не существовать хотя бы в силу того, что государевы крестьяне там, где они существовали рядом с помещичьими, получали в большинстве случаев лучшие земли, а повинностей платили меньше помещичьих крестьян.

В общем итоге власть Отара, как феодала и сардала, была сильно поколеблена по сравнению с властью его предка Гиви Амилахвари. Царь в конце концов распоряжался его крестьянами, хотя бы в смысле отбывания ими военной службы. Самого Отара, как видно из обширной переписки, сохранившейся в архиве этого магната, царь посылал куда ему вздумается, как своего чиновника: то в поход на Гянджу, то против лезгин, то на караульную службу, то для почетной встречи имеретинского царя, прибывающего в гости к Ираклию II и т. д. Но все же нельзя сказать, чтобы Отар во всем и всегда слушался распоряжений верховной

власти, особенно когда оно исходит не лично от царя, а от царевичей и царицы. И центральная власть бессильна против этого. Царь не то, что прощал, а прикидывался, что не замечает этого, и продолжал величать Отара вернейшей опорой государства. Но в общем и целом, все же Отар так или иначе служил и подчинялся центральной власти и участвовал в главных походах царя.

Полное же подчинение Отара возможно было бы путем перевода его крестьян в разряд „сахасо“. Частичное же подчинение объясняется не только тем, что предки Отара как Гиви Амилахвари, так и Николай сильно поплатились за неподчинение и непокорность центральной власти, но и тем, что он был заинтересован в тесном союзе с властью, обладавшей главными узловыми путями внешней и внутренней торговли, городом Тифлисом. А ведь связь с Тифлисом для горийского района к концу XVIII столетия имела уже весьма и весьма немаловажное значение, как я уже доказывал в другом месте и по другому поводу. Теперь же, после знакомства с новым материалом, я еще более решительно настаиваю на том, что экспорт хлеба имел важное значение для горийского района и не только в город Тифлис, но даже за пределами государства, именно в Гянджу, в Ахалцих. В одном из документов, находящихся в моем распоряжении, отмечен случай вывоза в Гянджу одной партии пшеницы и проса. Пшеницы вывозили в количестве 45 возов, а проса еще больше. В этом же документе говорится о группе „татар,“ прибывших в горийский район для закупки хлеба. Затем есть указания на заготовки хлеба в разных местах горийского района для продажи. Одно указание на такую же заготовку мною уже отмечено было раньше. (См. Классовая борьба в Закавказье, Сб. I, моя статья). Характерно, что все эти заготовки предпринимались вопреки запрещению центральной власти, которая желала эти излишки хлеба использовать для военных целей. Если к этому добавить, что Отар Амилахвари владел имениями под Тифлисом, именно в Саганлуге, в Телетах и в области, именуемой Сабаратиано, а также и в Сомхитии (См. Арх. др. акт. № 1452), то понятно будет, насколько он в качестве,

Так сказать, помещика, заинтересованного в экспорте хлеба, и помещика, владевшего угодьями под Тифлисом, заинтересован был в охране Тифлиса и во власти, обладавшей этим узловым торговым пунктом. Вот насколько сильно было объединяющее значение долины Куры для Грузии. Значит, в общем итоге отсутствие крестьян „сахасо“ в этом районе было причиной сравнительного могущества его владельцев.

3

Несколько иную картину мы видим в Сабаратиано и в Сомхити т. е. в части нынешнего Тифлисского района и в бывшем недавно Борчалинском уезде. Положение этого района в XVIII столетии мы изучаем, как уже было сказано, по статистическому описанию, составленному в 1721 г., т. е. значительно раньше изучаемой нами эпохи. Но дополнительно к этому памятнику, мы имеем возможность привести некоторые данные, дающие возможность определить ход дальнейшего экономического развития и социального расщепления этого района.

Статистическое описание Сомхити и Сабаратиано, составленное с участием такого бесспорно компетентного лица, как царевич Вахушти, внушает к себе полное доверие, но зато издатели, может быть, в силу трудных условий издательства грузинских книг при старом режиме (книга издана 1907 году), не постарались дать общую таблицу количественного взаимоотношения разных групп населения, хотя бы даже в том основном и наиболее простом виде, в каком дал С. Какабадзе. Поэтому в целях дать какое-либо общее понятие о составе населения интересующего нас в данный момент района и его классовых взаимоотношениях, исследователю приходится проделать всю черновую работу арифметических вычислений. При этом вычислении, как и в предыдущем случае, касавшемся владений князей Амилахвари, я не удовлетворялся одним разрезом, хотя бы даже тем, в каком разрезе произведено вычисление С. Какабадзе. Вычисление я делал в 3 разрезах в перекрестных направлениях. Сначала был вычислен состав помещиков и их расщепление на более и менее крупных, причем попутно вы-

яснилось количество независимых владельцев крестьянских душ. Затем я вычислял количество государственных крестьян в его соотношении к количеству крестьян частновладельческих и в третьих, расслоение среди самих крестьян на хозяйственных и бесхозяйственных, так назыв. богано.

В результате этих вычислений я получил следующие общие данные: крупнейшим в масштабе Восточной Грузии помещиком был Капланишвили, владевший более чем 1000 крестьянскими дворами. Крупнейшим помещиком была также царская семья, в общем итоге владевшая 1151 крестьянскими дворами, при этом эти 1151 двор распределялись следующим образом:

невестка царя владела	28 дворами	
царевич Вахушти	60	”
царица	393	”
царевич Симеон	116	”
царь лично	554	”

Все эти крестьяне фигурируют в списках, как крестьяне разряда „сахасо“. Из прочих помещиков крупнейшие — князья Амилахвари, владевшие 117 дворами. Все же остальные помещики, список которых заполняет $3\frac{1}{2}$ страницы среднего формата, в два столбца, владели десятками дворов, не больше. И среди них мы имеем имена таких родовитых князей, как Сологашвили, Тархнишвили, Цицишвили. Впрочем нужно сказать, что среди помещиков этого района подавляющее большинство неродовитых, хотя они и являлись независимыми помещиками.

О чем нам говорят эти цифры? Во первых о распыленности сил помещиков и громадном преобладании царской семьи, как помещика в этом районе. Исключая Капланишвили, крупнейший из прочих помещиков Амилахвари владеет все же меньшим количеством дворов, чем не только царь или царица, но даже не большим количеством дворов, чем царевич Симеон. Никакого значения не имеет то обстоятельство, что эти же Амилахвари в средней Карталинии являлись крупнейшими помещиками. Это несколько не усиливает их значения для Сомхитий и Сабаратиано. Единственным помещиком, могущим своим богатством кон-

куруровать с царем, был Капланишвили, но будучи равен царю своими владениями в этом районе, он без сомнения уступал ему тем, что все прочие мелкие помещики были независимы от него и, в случае конфликта его с царем, без сомнения поддержали бы последнего, не говоря уже о том, что сила царя измерялась не только его значением в одном районе, но и в общегосударственном масштабе, тогда как помещики, конечно, этого преимущества не имели. Вот почему род Капланишвили в конце XVIII столетия не проявлял отступничества и не участвовал ни в каких заговорах против царской власти.

Степень преобладания царя как помещика над другими помещиками определялась еще и тем, насколько существовало ненарушимое единство и согласие между членами царской семьи, владевшими имениями в Сомхитии и Сабаратиано. На первый взгляд кажется, что это праздный вопрос, ибо не могло не существовать между членами царской семьи согласия перед лицом общей опасности со стороны многочисленных помещиков, в той или иной мере помогавшихся освобождения от гнета центральной власти. Но это только на первый взгляд. Мы знаем, какую роковую роль сыграли впоследствии распри между членами царской семьи в жизни Восточной Грузии. И это не случайность, не простая семейная ссора между братьями, а следствие системы, рассчитанной на укрепление центральной власти и первоначально достигшей своей цели, но впоследствии превратившейся диалектически в свою противоположность, вследствие превращения крестьян „сахасо“, этой основной опоры центральной власти, в удельных, т. е. при условиях вражды между членами царской семьи сыгравших роль частновладельческих крестьян, являвшихся физической силой, проливавшей кровь за того или иного царевича, шедшего против другого брата, а впоследствии против самого царя. Так, в Актах Кавк. археографич. комиссии (т. I, стр. 130, № 42) в письме самого царя Георгия описан случай, когда, в ожидании нашествия на Тифлис Баба-хана, царь вызвал братьев из их уделов на помощь, а они явились с 3000 войска и осадили Тифлис под предлогом тре-

бования выдачи матери их, вдовствующей царицы Дарьи, которая, по всем данным, была организатором и душой придворной партии, добывавшейся ослабления, а, может быть, и смещения царя, ее пасынка. Знаем мы и другой случай, когда царевич Александр, за отобрание у чего удела царем Георгием, бежал к Баба-хану и оттуда писал своей матери, что он идет на Тифлис с целью его захвата и даже указывает число и месяц. Конечно, царица Дареджан извещалась об этом для того, чтобы подготовить заранее на месте в помощь наступавшему на Тифлис сыну отряд из удельных крестьян.

Но пока что в 1721 году этого положения не было. Тут мы видим по крайней мере, на примере Сомхитии и Сабаратиано с одной стороны разрозненную массу независимых друг от друга мелких и средних владельцев, а с другой об'единенную и сплоченную царскую семью, отстаивавшую неукоснительно интересы короны. Несомненно царская политика старалась использовать для себя и национальную пестроту, существовавшую в этом районе. С одной стороны здесь среди крестьян попадалось много армян, а с другой—среди помещиков было изрядное количество мусульман-агаларов и армян, которые при Ираклии II всегда отличались верностью центральной государственной власти, по крайней мере, поскольку дело касалось внутренней политики. Таковы, например, помещики: Аликумхан, Арешивили, семеро Заврашвили, Мелик Сомхитии Леван, Мантасшвили, Сулейманашвили, Усунбегишвили, хан Кирманский, Капанашвили, Корганашвили и другие.

После всего сказанного будет понятно, почему политика государственной власти была направлена к тому, чтобы увеличить теми или иными способами количество государевых крестьян (сахасо), этого требовали интересы короны и необходимость довести до минимума политическое значение замкнутых феодальных доменов, отнюдь не посягая на их права, связанные со всей феодальной системой.

Если в Горийском районе и Ксанском ущелье центральная власть имела возможность создавать кадры государевых (сахасо) крестьян, конфисковывая имущество вос-

ставших против нее владельцев, уделяя остальным значительную часть конфискованного имущества и этим задобривая и примиряя с совершившимся актом, в Сомхитии и Сабаратиано это происходило более безболезненно. Это будет понятно, если обратим внимание на одно обстоятельство. Дело в том, что в статистическом описании 1721 года попадает целый ряд деревень, иногда целые районы, покинутые населением и пустующие. Очевидно, это те деревни и районы, о которых говорит царица Дареджан уже после утверждения русского владычества, как о районах разоренных нашествиями и заселенных и застроенных ею. Так например, на стр. 174 мы читаем: „вымершая Зембеда“, „вымершая Гуланча“, „выселившиеся Кмедшвили“. На стр. 175: „выселившихся дворов 11“. На стр. 176 названо несколько десятков выселившихся дворов и, кроме того, „вымерших 3 деревни (Наохари сопелия). Я не буду перечислять вымерших и выселившихся семейств, их слишком много, почти на каждую деревню приходится по несколько. Для примера я назову только несколько разоренных и вымерших деревень:

На стр. 189	село Чаргамашен	выселилось	
„ „ 190	„ Чандараки	} разорены	
„ „ 195	„ Богинс Сопели		
	„ Саручамисоргали		
	„ Шавсакдари		
На стр. 200	Хечуас сопели	разорено	
„ „ 214	Гамахлу	выселилось	
„ „ 220	Базитала	} Все выселились	
	„ Саламалек		
	„ Индуши		
	„ Шумбути Джерари		

Что же случилось впоследствии с этими разоренными и опустевшими селами? Ответить на этот вопрос значит выяснить дальнейшее изменение численности населения в сторону увеличения или ослабления влияния центральной государственной власти в этом районе.

Для ответа на этот вопрос мы располагаем данными, указывающими на то, что именно в этом районе при царе Ираклии II происходит особенно интенсивная работа органов власти в сторону восстановления хозяйства путем заселения опустевших районов и содействия крестьянам в их строительстве. Как показывает уже упомянутый выше отчет царицы Дарьи, этот район долго не удавалось заселить. Наконец, царь предоставил его царице, и она изыскивает средства и начинает строительство. В одной части вновь заселенного района она строит большую крепость (Коллагири) и ставит там гарнизон для защиты вновь поселившихся и обеспечения им мирного труда, ввиду того, что население отказывалось селиться в этом месте, очевидно, боясь нашествия лезгин, которые постоянно вторгались в пределы Грузии через реку Алазан, а оттуда, минуя Сигнах и Тифлис, как укрепленные и хорошо защищенные пункты, переправлялись через Куру ниже Тифлиса и, проехав через Борчалю и разорив тут все, что возможно было, прибывали в Ахалцих, а оттуда предпринимали наступление на центральную Карталинию. Насколько эти нашествия были разорительны для населения, видно хотя бы из того, что по пути, мимоходом, как об этом свидетельствуют многочисленные изданные и неизданные документы, разоряли даже аллавердские и ахталские рудники и даже бывали случаи, что уводили с собой в плен сотни рабочих разных национальностей, вероятно, для продажи через Ахалцих в Турцию.

Вот более точные данные относительно Колхагарского района, взятые из Актов Кавк. археографич. комиссии (т. I стр 212). Одно сооружение крепости обошлось 50.000 рублей. К концу в. XVIII крестьян там было 595 домов. Получалось оттуда доходу:

Хлеба, ячменя и проса	1672 коды (кода—2 пуда)
Вина	180 сапалне
Шелку	52 литр. (литра—2 ф.)
Х л о п к а	400 литр.
Деньгами	9431 р. 20 к.

Памбаки. В конце XVIII века было 400 дворов, получалось дохода деньгами 400 руб.

Сарван. В конце XVIII века было 80 дворов, получалось хлеба 3 халвара.

Все эти места были опустошены и заброшены до середины XVIII столетия. В списках сел Сомхитии и Сабаратиано они не числятся, вероятно, потому что при Вахтанге VI они не принадлежали Грузии и только впоследствии были заняты Ираклием II. Но, очевидно, если государственная власть предприняла заселение вновь приобретенных областей, тем более должно было заняться заселением тех мест, которые и раньше принадлежали ей.

При этих условиях Колагирская крепость должна была сыграть немаловажную роль в колонизаторской деятельности государственной власти и обеспечении мирного труда во вновь населенных местностях. Вот почему до возведения этого укрепления выселявшиеся в Грузию крестьяне отказывались оседать в этих местах. Конечно, это грандиозное, по масштабу того времени, принимая во внимание небольшие размеры самого государства, предприятие обходилось государству не дешево, и понятно, что власть старалась извлечь из этого пользу прежде всего, тем, что вновь поселившихся крестьян причисляла к разряду государевых (сахасо) крестьян, а не раздавала по старинным обычаям помещикам. Большие средства затрачивались также и на то, чтобы в этих районах насаждать высокий тип культуры, как разведение шелковичных червей и заготовка шелка-сырца, рисовая культура, хлопководство. Как видно из отчета царицы, она получала со своих новых имений изрядное количество продуктов этой культуры.

Какие же выводы в смысле социальной опоры государственной власти в этом районе мы должны сделать из вышеизложенного. Совершенно очевидно, что по сравнению с данными 1721 года, конец XVIII века нам дает очень чувствительный, можно сказать, резкий перевес в сторону усиления влияния центральной власти над властью местных помещиков, путем увеличения кадра крестьян „сахасо“. В результате же мы видим, что местные помещики Корганашвили являются главными агентами государственной власти в этом районе: энергично содействуя ей, насаждают

в стране новую культуру и поднимают ее благосостояние. Очевидно, власть сознавала необходимость опереться не только на государственных крестьян, но и на мелких помещиков прогив крупных магнатов, но это, как видно, удавалось там, где крупных магнатов было немного и где они не пользовались особенно большим влиянием, а в центральной Карталинии, где положение, как мы видим, было совершенно иное, эта политика не удавалась, что видно из того, что мелкие помещики, будучи экономически и политически зависимы от всего сюзерена, поддерживали его в борьбе против органов царской власти. Эта резкая разница между двумя районами государства совершенно очевидна. Но, чтобы картина была более законченной, необходимо коснуться еще одного разряда крестьян, так наз. „богано“, т. е. бесхозяйственных. Просматривающему эти бесконечные столбцы с именами крепостных крестьян, и без вычислений сразу становится очевидным, что число „богано“ в этом районе значительно больше, чем в Карталинии. Так, попадаются селения, правда, редко, где количество богано больше, чем остальных. Есть также селения — их уже довольно много, — где количество „богано“ достигает 30—50%. Так очень часто в том или ином селении общее число крестьян 10, из них „богано“ 3. Или из 10 крестьянских семей 4 „богано“, или из 23 х крестьянских семей — 10 „богано“ и т. д. Правда, есть и такие селения, где „богано“ не встречается, но таких очень мало. В общем такая картина наблюдалась не только в частновладельческих имениях и не только у мелких владельцев, но и в царских имениях. Так в одном районе среди царских крестьян — сахасо, числом 188, „богано“ 33. Быть может, их здесь все же меньше, чем у мелких помещиков, но все же процент большой. И тем более это обстоятельство бросается в глаза, что в °Сомхитии и Сабаратиано, где пустующих мест было весьма и весьма много, бесхозяйственных крестьян должно было быть меньше, а не больше. Очевидно, это явление объясняется в данном случае не количеством свободного, неиспользованного фонда земельных угодий, а тем, что доступных, удобных для хо-

зйства мест в смысле обеспечения мирного труда, было мало, а мелкие владельцы не могли своими средствами организовать защиту крепостного труда. Поэтому, при отсутствии крупных помещиков, количество „богано“ достигало больших размеров до тех пор, покуда за это дело не взялась центральная власть. Отсюда ясно, что кадр крестьян „богано“ представлял собой резерв, могущий быть использованным только государственной властью.

К сожалению, мы не располагаем точными данными, прямо указывающими на роль крестьян „богано“ в заселении разрозненных местностей царицей Дарьей, но есть намеки на то, что, кроме переселенцев, кадр поселенцев пополнялся еще и местными безземельными крестьянами.

Вот что пишет вдовствующая царица Дарья относительно Колагиири: „Колагиири было разорено 100 лет тому назад. Покойный царь Ираклий жаловал его разным людям, но никто не мог его заселить, а потому и не приняли. Потом пожаловал мне. Я из чужих мест переводила христиан и заселила 55 дворов“. По ее же словам, она тут построила крепость в виду опасности, грозившей со стороны ахалцихского паши, вместе с которым действовали и лезгинские войска. (А.К.А.К. т. I, стр. 206—208). Здесь же говорится также и о Цинцкаро. Жители этого селения, оказывалось, были рассеяны по разным местам, затем они были собраны царицей и поселены с сел. Куки, под Тифлисом, коих считалось 30 дворов. С них царица не получала ничего, так же, как и с жителей Авлабара, коих насчитывалось в то время 160 дворов. В этом же селении были поселены гянджинские армяне, которые точно также ничего не платили, по крайней мере, в первое время.

Из всех этих данных, мне кажется, достаточно очевидно, что центральная власть старалась использовать для увеличения количества государственных крестьян, как переселенцев, так и местных жителей, рассеянных из опустошенных местностей по разным углам и живших очевидно в качестве крестьян „богано“.

Перехожу теперь к описанию третьего типа общественно-экономических отношений—к Арагвскому ущелью и некоторых районов Кахетии. Касаясь Арагвского ущелья, я должен оговориться. В материалах, относящихся к этому району, столько противоречий и так мало у нас данных, с документальной точностью распутывающих узел этих противоречий, что поневоле приходится удовлетворяться более или менее обоснованными догадками. Я на это решаюсь, полагаясь на более точные данные других районов, с которыми Арагвское ущелье имеет много общего.

Просматривая поверхностно списки крестьян Арагвского ущелья, невольно останавливаешь взор на общих заглавиях каждого списка и видишь, что громадное большинство арагвских сел включено в число крепостных арагвских эриставов: „Крепостной арагвского эристава, его же подручный («სახელმწიფო»)“. Нужно прежде всего разобраться, что это означает. Если слово «эристав» тут обозначает княжеский род Эристава—это одно, а если обозначает должность—это другое. При отсутствии в грузинском письме заглавных букв для обозначения собственных имен, нелегко решить этот вопрос. С одной стороны как будто здесь имеется в виду род эриставов, которые владеют крепостными на протяжении всего Арагвского ущелья, но с другой стороны употребление слова эристави, что означало сначала главу или вождя народного, впоследствии же воеводу, в единственном числе, во всех случаях, кроме одного, заставляет предполагать, что тут имеется в виду должность, а не род эриставов. Чтобы разобраться в том какая разница в этих обозначениях, приведем заглавие списка крестьян ущелья Гергеты“ (Мат. по статистич. опис. стр. 407).

„Крепостные, пожертвованные арагвскими эристами святой троице, их же подручные“.

Если бы составители списка имели в виду род эриставов, а не должность эриставскую, везде должны были писать так. Но во всех других случаях, как уже было сказано, это слово употребляется в единственном числе. Затем

еще одно соображение, еще более усиливающее противоречие: в некоторых случаях крестьяне Арагвского ущелья, по списку, причисляются к крепостным эристава Арагвского ущелья, но ему не подручны, а подчинены тому или иному моураву, т. е. царскому чиновнику. Вот пример: „В Гудамакари крепостные арагвского эристава, находящиеся под управлением (моуравством) Коблашвили Григория“. В других случаях те же крепостные арагвского эристава состоят под управлением других моуравов—Шабуришвили, Гудушаури, Надибаидзе и т. д. Здесь уже получается, что эристави не должностное лицо,—а хозяин-крепостник.

Ясно, что без помощи другого материала разобраться в этом нет никакой возможности. Поэтому привлечем к делу некоторые другие данные, ближе и конкретнее рисующие взаимоотношения между крестьянами и помещиками в Арагвском ущелье. Это неизданные давтары, представляющие собой список повинностей крестьян Арагвского ущелья.

Судя по этим давтарам, селения Арагвского побережья резко отличались хозяйственной структурой от селений горийского района. В последних основной тип хозяйства—хлебопашество, а потом виноградарство, что видно не только из того, что этот район доставляли свои хлебные излишки и излишки всякого провианта и Тифлису и войску и вывозил их за границу, но и из того, что тут основной крестьянской повинностью является „кодиспури“ и „кулухи“. Кодиспури уплачивалось хлебом, а кулухи вином. Все остальные повинности, как-то: махта, мали, самаспидло и т. д. являлись дополнительными повинностями, конечно усилившими бремя крепостничества, но не являвшимися самыми характерными для района.

Что же касается Арагвского побережья, там основная повинность „калани“¹. Эта повинность во всех документах

¹ Термин „калани“ (კალანი) тоже не грузинский. У монголов термином „калан“ обозначался, судя по данным, приведенным Бартольдом в вышеупомянутом труде, налог с оседлого населения, в отличие от „копчура“, налога с кочевников. Но потом, как видно, из тех же данных, копчур получил значение и того, и другого налога. Конечно „калан“ тоже также мог изменить свое значение, особенно в Грузии,

носила один и тот же характер уплаты живностью и скотом, а главным образом баранами. Конечно, это объясняется характером хозяйства изучаемого нами района, в котором основным занятием населения являлось скотоводство, в частности, главным образом, овцеводство, вследствие обилия пастбищ, недостатка в пахотных участках и горного рельефа местности. В виду этого весь уклад жизни в этом районе иной, чем в других. В этом отношении все ущелье можно разделить на три части: 1-ая часть расположена на нижнем течении Арагвы и представляет собой более ровную местность, чем другие, с менее суровым климатом и с большим количеством удобной для хлебопашества земли. Они платили, под названием калани, повинности более смешанного характера, именно: по несколько свец, свинью, кур, быка, провианта (часто хлеб кодами, как и в Горийском районе), разные сдобные печенья („када“), масло сливочное и постное, соль и изредка вино. Есть случаи даже, когда говорится о „кулухи“, но обыкновенно „взамен кулухи“ взималась иная повинность. Сверх этого с некоторых домов брали сало для свечей и требовали извозной повинности лошадьми, для поездки в Кахетию. Все эти повинности взимаются царскими моуравами для его надобностей. (См. Арх. акт. д. VII № 3463).

Другой район начинается от Ананура и захватывает район вверх по течению Арагвы, Млеты, Кайшаури и пр., как видно, до самого перевала. Здесь взимался калани в наиболее чистом виде и в гораздо меньших размерах, чем в первом случае. Тут везде калани исчерпывался уплатой одного барана или одной овцы.

где термин „кочур“ не был в ходу. По грузинским документам нельзя сказать, чтобы значение термина „калани“ было строго ограничено в смысле применения только к скотоводческому хозяйству. Но в тех документах, которые я здесь приведу, это ограничение почти выдерживается. Это еще не дает нам право на обобщение, но факт, что в данных случаях, как бы эти повинности ни назывались, безусловно преобладают повинности, связанные со скотоводством, и носят менее обременительный характер.

Все эти данные позволяют и даже заставляют думать, что этот район являлся более отсталым, по сравнению с первым, в хозяйственном отношении. Этим и объясняется сравнительная легкость повинностей. На отсталость хозяйства влияли, конечно, и горный рельеф и сравнительная суровость климата, затруднявшие борьбу человека за существование. (Арх. др. акт. ф. VII № 741).

Третий район, так наз. „хеви“. Это уже побережье верхнего течения Терека; центром этого района является Степан-цминда. Здесь „калани“ несколько сложнее, чем во второй части и проще, чем в первой. В большинстве случаев взимались один или два барана, изредка хлеб кодами, бурка и самаспидзло, т. е. то, что в Европе называли „droit de gîte“. Иногда эта повинность выполнялась реально, а не в виде уплаты, что объясняется дальним расстоянием этого района от центра и отсутствием убежища для приезжающих царских посланцев. Надо полагать, что и здесь повинность уплачивалась в пользу царя, так как собирали ее моуравы Чопикашвили и Надибаидзе, которые названы также и в материалах, изданных Такайшвили.

Здесь население живет еще родовыми союзами и общинами. Следы такой организации мы видим и в Арагвском ущельи. Возьмем любое село и перечтем список крестьян. Мы увидим, что в большинстве случаев в селе преобладает одна фамилия, а иногда оно состоит исключительно из лиц одной и той же фамилии. Возьмем наудачу стр. 465 материалов. В Гудимакари, в сел. Чохи живут исключительно Чочели. (8 семейств). Очевидно, это один род. На стр. 463 сел. Аннох. Живет там 15 семейств Апциаури, 3 Таминаури и 1 Кобаидзе. На стр. 413 сел. Сно. В этом селе 20 дворов Гудушаури, 3 Дониаури, 3 Джоджикаури и 1 Харцлиаури, не считая тех, которые причислены к бо-гано.

Следы родового строя, в виде довольно прочных его остатков тут несомненны. Правда, местное темское самоуправление уже разлагается хотя бы под влиянием назначения царских моуравов, но зато прочность старой экономической базы этого строя—преобладания скотоводства над

земледелием, и отсутствие развитой частной собственности на землю не дает этому строю окончательно разложиться.

К этому надо добавить еще то, что почти не существовало промежуточных социальных прослоек между эриставами и крестьянами в виде мелких владельцев — дворян, зависевших в той или иной мере от эристава, что в свою очередь свидетельствует о том, что феодальные отношения в этом районе были еще недостаточно развиты. Этим и объясняется сохранившееся до сих пор у мохевцев предание о борьбе эриставов с местным крестьянством с целью расширения на них крепостного права и подчинения общин своей власти, борьбе, окончившейся в пользу крестьян. (Это предание записал Г. Бочоридзе, который предоставил мне право использовать его, за что приношу ему благодарность).

Но как же в таком случае быть со словом „უფა“ (крепостной), которое в наших материалах везде встречается? Дело в том, что, как уже общеизвестно (этот вопрос исследован и у акад. Н. Марра и у И. Джавахишвили), значение слова „უფა“ очень растяжимо. Оно означает и отрока, и рыцаря, и слугу, и клиента, крепостного. Его значение менялось в зависимости от разных ступеней феодальной формации. В данном случае слово „უფა“ надо понимать не как сложившееся уже крепостничество, а как первую ступень феодальной зависимости, в виде покровительства и якобы добровольной службы.

Но в виду перехода государства к новым более сложным формам общественной организации власть эриставов теряет по существу и прежнее свое значение, чем и пользуется центральная государственная власть для использования крестьянской темской (общинной) организации в своих интересах. С этой целью она назначает своих моуравов из наиболее выдающихся и влиятельных местных родов, разрушая общинного строя, как основы тамошней общественной организации, а заставляя эту организацию служить интересам центральной власти.

Этим и объясняется прославленная верность нагорной части Грузии короне, верность, которая, впрочем, была по

большей части платонической и выражалась, в том, что отсюда выставлялось обыкновенно известное количество добровольцев-ударников, готовых положить жизнь свою лично за царя. Эта слабая связь нагорной окраины Грузии с центром, слабая заинтересованность в его защите объясняется отсутствием тесной экономической связи между ними. Поэтому, если эти районы и обслуживали центр, то в порядке внеэкономического принуждения, выражавшегося в уплате представителям власти необременительных повинностей. Чтобы не быть голословным в вопросе о слабости торговой связи между центром и этими районами, достаточно привести данные относительно торгового оборота, происходившего через Ананурскую заставу, которая давала минимальную сравнительно с другими заставами откупную сумму—всего 350 руб. Да и товары, проходившие через эту заставу, в значительной мере не местного происхождения, а частью черкесские (лошади), частью российские. (Арх. др. акт. № 3432).

Этим и объясняется тот общеизвестный факт, что при защите Тифлиса от нашествия Ага-Мохаммед хана, к Ираклию явилось 300 добровольцев, положивших за него свою жизнь, прикрывая отступление Ираклия. Потом уже арагвские войска залерли вход в ущелье Арагвы от полчищ врагов и с успехом отразили их нашествие. Вообще жители свободных общин были хорошими бойцами, когда они защищали свои родные долины на месте, но слабо были приспособлены к крупным военным операциям и к далеким походам. Если лезгины, находившиеся в аналогичном положении, напротив, были падки на нашествия и предпринимали более дальние походы, это потому, что у себя на родине они были хуже обеспечены своим хозяйством и надеялись на обогащение путем грабежей и продажи захваченных пленных в рабство. Вот почему Ираклий II, даже в период наивысшей своей славы, предпочитал нанимать за деньги лезгинские войска, чем собирать войско в большом количестве среди своих подданных. (Об этом записка Ал. Орбелиани, изд. С. Какабадзе).

Этот краткий обзор Арагвского ущелья с достаточной ясностью показывает, что, при отсутствии вполне законченных форм феодальных отношений в нем, государственная власть легко могла использовать его население для своих надобностей, о чем и свидетельствуют вышеуказанные документы, содержащие в себе перечень государственных повинностей. Это, очевидно, и вызвало неизбежность решительной борьбы центральной власти с арагвскими эриставами, которая закончилась полным разгромом последних и упразднением арагвского эриставства. После этого уже ничего не стоило центральной власти рассматривать крестьянство этого района почти как своих „сахасо“ с той только разницей, что их повинности оставались значительно более легкими, чем крестьян „сахасо“.

Приблизительно в таком же положении находились крестьяне отдельных уголков Кахетии—именно Кизикия (нынешний Сигнахский район) и Тианетский район¹. Хотя эти два района, по природным условиям, представляют собой полную противоположность по сравнению друг с другом—но по экономической структуре не очень друг от друга отличались в силу многих условий.

Дело в том, что Кизикия представляет собою обширную степную пограничную полосу восточной Грузии, тогда как Тушетия, Хеви, Хевсуретия, наоборот горные страны. Но дело в том, что при известных условиях в борьбе за существование преодолеть степь человеку бывает также трудно, как и преодолеть горы. Степная стихия часто требует не

¹ Насколько наше деление В. Грузии на зоны отвечает действительности, видно из того, что царевич Вахтанг, вступив после смерти брата своего Левана в управление арагвской долиной, в своем законоположении по управлению этим краем тоже делит его на 2 части: на часть равнинную и нагорную—„განხილებდა მარცხსა და მთიანეთსა ადგილთა“.

Изучение первой части не оставляет сомнения в том, что царевич старается приучить население гор к феодальным порядкам, в особенности в отношении земельных владений. Этим законоположением ограничивается право сельской общины распоряжаться земельными угодьями как в отношении выморочных крестьянских наделов, так и их продажи или передачи без разрешения самого феодала (в данном случае царевича Вахтанга) Сакартв. Сид. т. I стр. 203 № 194.

менее упорной борьбы, чем горная стихия. Степные заросли, болота, степные звери и гады, в особенности на юге, не менее опасны, чем горные тущобы, леса и снега и звери. Вдобавок и от нашествия кочующих защитников степь защищена слабо, тогда как горы представляют собой естественную защиту. Недаром южнорусские степи—целый ряд веков были мало заселены и являлись путем для всяких нашествий народов, сменявших друг друга. Не даром русская государственность могла ее занять и прочно приспособить к своей государственности только в конце XVIII века. То же самое приблизительно можно сказать про европейские степи, занятые впоследствии венграми.

В таком же положении была и алазанская степь по отношению к грузинской государственности. Обладая очень плодородной почвой, богато вознаграждающей крестьянский труд, алазанская степь с трудом поддавалась обработке в виду распространенности разных болезней, обусловленных заболочиванием почвы, а главное, открывая доступ соседям для набегов, лишала жителей возможности обеспечить себе мирный труд. Увод в плен целых партий крестьян лезгинами, разорение деревень, захват добычи, разорение урожая—все это не способствовало развитию более высоких культур и росту народонаселения. И тавады не в силах были присвоить земли и захватить власть. Поэтому до самого XIX столетия население здесь было редкое, исключая, может быть, ближайших окрестностей Сигнаха, так как этот город со своей крепостью служил достаточно надежной защитой для окрестных деревень. Вот поэтому одной из основных отраслей хозяйства тут было скотоводство, а форма землевладения была общинной при периодических переделах и отсутствии частной собственности на землю. Вот почему власть тавадов с ее крепостным правом, была незнакома кизикцам, исключая крестьян бодбийского монастыря. Своим темским самоуправлением, своими кевхами (выборными старшинами) кизикцы сильно напоминали мохевцев. Государственная власть в XVII веке и здесь старалась сохранить исконное самоуправление, приспособив его к интересам короны и ставя их в поло-

жение государевых (сахасо) крестьян. В подтверждение всех вышеизложенных соображений можно привести общераспространенное в то время мнение о „невежестве“ кизикцев в вопросе о крепостнических отношениях и неумении их служить в качестве крепостных. Так например, крепостные Отара Амилахвари, по фамилии Разикашвили обращаются к своему барину с просьбой простить группу крепостных, содеянный ими какой-то проступок, нарушивший, как видно, основные правила крепостничества. Свою просьбу просители мотивируют тем, что совершившие проступок являются пришельцами из других стран и „почти полные невежды в крепостнических отношениях“. „Примите—говорят просители—во внимание, что мы этих людей переселили из Кизикии.

Надо потерпеть до тех пор, покуда они получают вашу муштровку (თქვენ ჰკუაზე დადგეობან) и научатся крепостным отношениям“. (А. др. А № 2429).

Что царская власть с одной стороны признает и приемлет наличие темского самоуправления и пытается использовать эту организацию, а с другой считает кизикское крестьянство государевыми (сахасо) и держит его на этом положении, это видно из целого ряда указов Ираклия II, напечатанных в Актах Кавк. археограф. комиссии в первом томе. В одном из этих актов Ираклий II, уступая крестьян Бодбийского монастыря архипастырю (Бодбели) заявляет, что отныне бодбийские крестьяне изъемятся из разряда государственных крестьян и все, чем кизикские крестьяне служили кахетинскому владыке (კახთ ბატონი), отныне уплачивают настоятелю бодбийского монастыря. И в своей переписке Ираклий постоянно упоминает о кевхах, делая им разные поручения и этим самым признавая их официальное положение. Что же касается вопроса о мирском землевладении, на это есть указание в одном документе, в котором описываются земельные неурядицы между двумя селами Кизикии, разрешенные самими сельчанами, вынесшими свои плуги сообща на общее поле. Вообще во внутренние распорядки Кизикии государственная власть не вмешивается, и моурав Кизикии, назначаемый центральной властью, ве-

дает только сбором повинностей и набором ополчения во время войны.

Из прочих районов Кахетии наиболее приближающимся к Кизикии по своему экономическому и социальному укладу, как уже было сказано, можно считать Тушетию, именно Тианетский район, относительно которого мы располагаем некоторыми данными. Заведывающим архивом древних актов при Центрархиве Грузии Г. Бочоридзе изданы списки крестьян, составленные уже в период владычества России, именно 1802 г., на основании данных XVIII столетия.¹ Не касаясь достоинств и недостатков самого издания, надо сказать, что материал, изданный т. Бочоридзе, представляет большую ценность для выяснения социальных отношений населения Кахетии и классовой базы государственной власти. Вот в этих-то материалах мы и найдем частичные сведения относительно Тианетского района. Перетасовав выкладки т. Бочоридзе и сделав перекрестные вычисления в нескольких разрезах, мы приходим к следующим выводам:

Крестьян государственных (сахасо):

В Тианети	106 дворов
„ Пшавели	70 дворов
„ Бахтриони	30 дворов

Крестьян помещичьих:

В Тианети	43 „
„ Пшавели	12 „
„ Бахтриони	10 „

Если сопоставить эти данные, будет совершенно очевидно, насколько центральная власть преобладала над помещичьей в этом районе.

¹ Я не успел для данной работы сличить это издание с рукописью и вообще использовать рукописи по описанию различных районов Грузии, хранящиеся в рукописном отделе Музея Грузии. Этим я собираюсь заняться в ближайшее время. Общий же предварительный просмотр списков меня убедил, что в основном они не противоречат данным, приводимым мной здесь.

Если же взять весь Телавский и Гарекхетский районы целиком, то тут мы получим на первый взгляд совершенно иную картину. Несмотря на то, что и здесь попадаются отдельные села вроде Шакриани, где сахасо крестьян 58 дворов, а помещичьих—2, в общем здесь все же заметно значительное преобладание частновладельческих крестьян по сравнению с крестьянами „сахасо“. Вот цифры, иллюстрирующие это положение:

Крестьян сахасо . . .	1368 дворов
„ помещичьих . . .	1811 дворов
„ католикосских . . .	98 дворов
„ церковных . . .	1233 двора.

Но несмотря на такое преобладание помещичьих крестьян над государевыми, все же надо признать, что государственная власть здесь являлась крупнейшим помещиком и, при разрозненности интересов отдельных феодалов, по самой природе феодализма, решающую силу имела центральная власть. Во всяком случае нет сомнения, что церковь могла быть использована государством в борьбе с оппозицией знати так же, как и католикос. И это возможно было бы до тех пор, покуда не затрагивались социальные привилегии феодальной знати и ограничивались только политические права отдельных феодальных домов, как самостоятельных единиц. К сожалению, у нас нет точных вычислений относительно распределения крестьян между помещиками, чтобы судить о том, насколько там преобладала власть крупных помещиков, но большое количество княжеских и дворянских родов в Кахетии не оставляет сомнения в том, что в Кахетии крупные владельцы не могли преобладать настолько, чтобы царская власть не могла бы надеяться найти опору среди средних и мелких владельцев против крупных. Общий обзор списков вполне подтверждает эти соображения. Крупнейших владельцев здесь всего несколько: Чолокашвили и Чавчавадзе. Но ни у одного из них количество крепостных не превы-

шает 100 дворов. Все же остальные являются мелкими и мельчайшими помещиками.

Точные данные с статистическими вычислениями процентного отношения количества крупных помещиков к мелким и ко всему населению невозможны, в виду того, что в списках имена помещиков частью перепутаны. В некоторых случаях имена совладельцев одного села стоят вместе, в других случаях те же имена встречаются рядом с другими именами, так что не всегда можно сказать, кто владеет каким количеством крестьян. Но все же приблизительные цифры таковы:

Гаресеван Чавчавадзе (эшикахабаш) владеет 92 дворами	
Чолокашвили, моурав Тушетии.	55 ”
Руствели	53 ”
Каралашвили	36 ”

Все остальные помещики владеют значительно меньшим количеством крестьян, а есть владельцы даже 4 и 5 дворов. Эти цифры настолько выразительны, что не нуждаются в комментариях. Кахетия больше, чем Сомхития и Сабаратиано, находилась в полном распоряжении центральной власти. Быть может, этим и объясняется верность Кахетии власти Багратионов не только при жизни Ираклия II, но и в начале русского владычества, когда кахетинские князья и даже крестьяне восстали против новой инородной власти и требовали возведения на престол одного из Багратионов.

5

Мы изучили данные, характеризующие значение крестьян „сахасо“ в общественно-политической жизни Восточной Грузии XVIII столетия. Теперь остается сделать из этого выводы, но пока лучше воздержаться от широких обобщений, ввиду того, что вопрос о значении этой категории крестьян связан с целым рядом других вопросов, которые нами еще не изучены.

До рассмотрения всех этих вопросов мы можем выставить только рабочую гипотезу, которая пока-что оправды-

вается теми данными о „сахасо“, которые приведены в этой работе и не противоречат тем сведениям, которые мы пока что имеем обо всех других категориях населения Грузии.

Из этих данных очевидно, что центральная государственная власть, прилагая все усилия, чтобы захватить в свои руки всю полноту власти, одним из средств считала увеличение количества крестьян „сахасо“, вкрапывая их маленькими группами и большими массами во все районы государства, чтобы этим внутри же подорвать могущество феодалов и господствовать над ними. Конечно, этим не подрывалась нисколько сама феодальная система, а только меняла внешний вид, получала более организованный характер, благодаря обратной раздаче части „сахасо“ тем же феодалам, но более мелкими группами, чем это было раньше. Очевидно, этим царская власть хотела расстроить крупные феодальные образования, увеличить количество зависимых прямо от себя мелких помещиков и опираясь на них создать сильную централизованную власть. На это указывает не только низведение крупнейших феодалов в ряд мелких помещиков, как это случилось с арагвскими, а в особенности с ксанскими эриставами, но и подчинение непосредственно своей власти бывших дворян этих разгромленных феодалов. Таким был, например, Пицхелаури Арджеван. Этот дворянин в 1754 году был назначен ксанскими эриставами моуравом в Ахалгори¹. В 1777 же году, после разгрома ксанских эриставов, приказом Ираклия II объявляется тому же Пирцхелаури, что отныне он находится в непосредственном подчинении царя². После этого Пицхелаури служил в качестве моурава царицу Георгию, которому было передано в управление ксанское ущелье, Подобным же образом было поступлено и со многими дворянами и служилыми людьми этого края.

Тем не менее централизация и усиление власти царя не могли быть достигнуты без соответствующего усиления

¹ Сакартвелос Сидзвелени т. II № 408 изд. Такайшвили. Тифлис. 1909 г.

² Там же № 410, стр. 456.

ния торгового капитала и оживления обмена как внутри страны, так и с внешним рынком. Желание найти выход на внешний рынок вызывало большое напряжение сил и несмотря на покровительство купцам, все же, очевидно, правительство вынуждено бывало облагать их большими налогами, что видно из того, что купечество в конце царствования Ираклия II устраивает против него заговор и готово призвать в Тифлис даже Ага-Мохаммед-хана. Об этом говорится не в одном и не в двух документах, но особенно любопытен из них один, в котором передается беседа между недовольными купцами¹. Купец Бастамшвили жаловался по какому-то неизвестному нам поводу, что царь Ираклий о них совершенно не заботился, иначе он мог бы их спасти от гибели, а теперь, по их словам, выясняется, что царю дороже 17 или 18 тысяч рублей, чем они, тифлиссские купцы. Тут же в дальнейшей беседе, в особенности после того как получен от царевича Георгия категорический запрет говорить в таком духе, тот же купец заявляет: „И от него не будет никакого толку, ему только давай пить и есть. Мы будем идти своим путем, как найдем лучше“². По заявлению царевича Георгия купцы даже выжидали, как будут действовать в Грузии русские войска, с тем, чтобы из'явить покорность Ага-Мохаммед-хану, в случае, если русские не примут решительных мер³. Конечно, быть может, не все купечество было замешано в этом заговоре, но дело приняло очевидно, широкий характер, раз под подозрение был взят даже такой верный двору Ираклия II человек, как Иосиф Корганашвили, которому пришлось оправдываться перед царицей Дареджан и клясться ей в неизменной верности⁴.

¹ Сак. Сидзвел, т. III, стр. 106, № 138.

² Сакарт. Сидзвел т. III стр. № 138.

³ Там же стр. 368 № 386.

⁴ Там же стр. 358, № 376. Доклад Иосифа Корганашвили царице Дареджан. Из этого доклада видно, что целый ряд армянских семей (очевидно, купеческих) бежали в Россию, подкупив должностных лиц. Автор письма клянется в своей невинности, но из копии письма Агало Корганашвили к царевичу Мириану (1805) видно, что он в заговоре принимал активное участие. Там же, стр. 379 № 365.

Что же случилось, что купечество, когда-то верное Ираклию и возлагавшее на него большие надежды, теперь ведет против него бешеную агитацию, изменив совершенно свою ориентацию? Объяснение единственное: Ираклий не оправдал, или, вернее, не сумел оправдать возлагаемых на него надежд в смысле открытия внешнего рынка для закавказского купечества и удовлетворения требований торгового капитала в самой Грузии.

Крестьяне „сахасо“ и мелкие помещики могли быть только живой силой, которую могла использовать власть для своего усиления. Но без усиления торгового капитала и поддержки купечества, власть не могла располагать достаточными ресурсами для создания подходящего государственного аппарата. После разорения Тифлиса казна настолько была пуста, что Георгий XII не мог добыть 500 р. для выкупа часов, которые он хотел послать в подарок Баба-хану, с которым нужно было заключить мир, чтобы отвлечь его от нового разорения Тифлиса.

В силу этих причин Ираклию пришлось крупные районы, захваченные им у феодалов, раздать своим сыновьям. Ираклий знал, какой опасностью грозит это Грузии, чувствовал необходимость обуздания своеволия детей и внуков и пытался делать это¹. Но это делу не помогло. Как стая воронов, раздирали они на части живой организм государства, пока в конце-концов русская власть не прекратила этого, вырвав у них этот лакомый кусок для себя.

---

¹ См. Сакартв. Сидзв., т. I, стр. 209, № 196. Ираклий дает администрации гор. Гори след. приказ: „Если мои сыновья или внуки пожелают взыскать с вас, начиная (хотя бы) с пятака и до ста туманов, ничего не давайте. Если вздумают применить насилие, их людей поволодите хорошенько и гоните вон, если возьмутся за оружие, вы против одного направьте двух и трех вооруженных“.

В. А. ПАРХОМЕНКО.

ПУТЬ ИЗ ХАЗАР В УГРЫ.

В эпоху племенных княжений у восточного славянства, приблизительно до конца IX века и местами дольше, реки являлись здесь не путями сообщения и торговых сношений, как видим позже в X—XI вв., а границами, пределами племен, разделяющими их межами. Об этом летопись вспоминает под 1026 г., когда, очевидно, припоминая старые забытые факты и смешивая их с более поздними, говорит, что Днепр в это время стал границей двух государственных образований. Еще яснее и определеннее указывает на это летопись, когда вспоминает о значении „перевозников“ через Днепр, именно об особой роли „перевозника“ с одной стороны на другую — Кия — и с этим „перевозником“ связывается предание о создании такого важного города, как Киев. „Перевозники“ получили значение тогда, когда по реками двинулись восточные купцы¹, а за ними потянулись и более значительные массы людей. На территории Восточной Европы начало такого заметного купеческо-торгового движения в славянскую эпоху следует отнести к концу VIII— началу IX в.², когда как раз по этим путям стали налаживаться торговые сношения между новыми тогда, большими государственными образованиями: империей Карла Великого (768—814 г.) на западе и Кордовским халифатом мавров на юго-западе с одной стороны и Багдадским халифатом Аббасидов на востоке (с 750 г.) с другой. Пути этих торговых сношений пошли по рекам Восточной Европы и вызвали здесь оживление: за купцами двинулись целые племенные потоки. На IX век падает движение по Восточной

¹ Движение это по рекам вообще бывало, конечно, и прежде — с значительными перерывами.

² Не считая эпох более отдаленных — до-славянских.

Европе угров-мадьяр, и оно всколыхнуло здесь восточно-славянские племена, и дало ход среди них „перевозникам“.

Как двигались угры? По источникам, через „Лебедию“ и „Ателькузу“ (Константин Багрянородный), также — „идоша угры мимо Киев горою, еже ся зоветь Угорьское“ (летопись). Видимо, это путь от Волги по Дону и Северному Донцу (скорее всего тут „Лебедия“), а затем через Десну и Днепр на Припеть (где, вероятнее всего, была „Ателькуза“ с ее реками) и по ее притокам дальше на Запад через Западный Буг с его притоками — по Бодрогу и Тиссе к среднему Дунаю. Судя по археологическим остаткам, здесь именно пролегал торговый путь купцов того времени с Волги (нижней) к Дунаю (среднему), и им воспользовались угры, а следом за уграми пошло более интенсивное торговое движение по этим рекам.

Таким образом, движение угров сыграло свою роль в истории торговых сношений на определенной территории Восточной Европы, будучи само вызвано развитием Волжского торгового пути. И, конечно, торговцы Хазарии, ранее соседившие с уграми, не прерывали сношений с уграми и по уходе их, ибо это были, по Константину Багрянородному, старые союзники между собою. У Днепровской Руси угры также оставили по себе „воспоминание и впечатление“¹. В связи с этим, очевидно, и возникновение Угорской Руси может быть относимо к концу IX в.² Кроме самого факта движения тут угров и археологических остатков, свидетельствующих о наличии здесь, по этому пути, по Десне и Донцу³ следов тогдашней восточной торговли — монет IX—X вв. и других вещей, об этом же говорит и наличие целого ряда видных торговых городов, вытянувшихся по этому пути в IX — не позже половины X в.: это знаменитый Саркел на Дону — с 30 г. IX в.⁴, Чернигов и Любеч на Десне —

¹ Н. Я. Грот. „Моравия и Мадьяры“, СПб, 1881, стр. 205, 236, 246.

² Н. Барсов. „Очерки исторической географии“, Варшава, 1873, стр. 95, примеч. 141.

³ „Русские Древности“, вып. V, стр. 14 см. также у П. Г. Любомира в „Торговые связи Руси с Востоком“ Учен. Записк. Саратов. Унив., 1923, т. 1, в. 3, стр. 18 и др.

⁴ Археологи вообще отмечают возникновение ряда поселений на Дону в IX в., — см. у М. Артамонова „Средневековые поселения на нижнем Дону“, ОГИЗ, 1935.

не позже конца IX в., Вышгород на Днестре — на самом перемыке — с начала X в. и Туров на Припечи в X в.

Эти города строились и росли именно, как торговые форпосты по данному пути, уже в X в. игравшие определенную экономическую роль тут.

В середине X в. здесь на пути с Десны на Припечь проявляют усиленную деятельность летописные князья — Игорь и Ольга; первый гибнет в борьбе с древлянами за свое упрочение на Припечи, а вторая строит по Десне и по Припечи — в земле Древлянской „становища, ловища и перевища“.

Ольга избирает „своим градом“, своей резиденцией, город Вышгород, занимающий как раз важнейшее, центральное положение на переходе из одной значительнейшей торговой артерии этого пути в другую через Днепр — из Десны в Припечь. Проф. С. М. Середонин верно заметил¹, что до Владимира Св., так называемые „Киевские“ князья мало интересуются Киевом, да и самим путем „из Варяг в Греки“. В эпоху Ольги центром княжеского внимания был Вышгород, как центральный пункт торговых сношений из хазар в угры, и, конечно, не будучи тесно связана с этим путем, Ольга не послала бы около 960 года посольства к Оттону Германскому; на это смелое предприятие толкнули ее торговцы, ездившие по хазарско-угорскому пути — от нижней Волги до среднего Дуная. Одновременное пребывание в Кведлинбурге в 973 г. послов — и Руси, и угров², указывает и на использование пути в это время из хазар в угры, и на наличие связей Руси с Уграми, возможных лишь при существовании данного торгового пути. А что Русь вела тогда торговлю с уграми (в торговле Руси с хазарами, старыми знакомыми и близкими территориально, сомневаться не приходится), — на это указывает свидетельство летописного 969 г. о приходе в Русь из Угр „серебра и комоней“³. Этим путем

¹ См. его „Русская историческая география“. СПб, 1916.

² „Annales Lamberti Hersfeldensis“, Ганновер, 1843, стр. 19.

³ Хотя эта запись и более позднего времени — XI в., но она, безусловно, опиралась на давние воспоминания о конкретных фактах торговли.

пользовался в обе стороны Владимир „Святой“, когда ходил с одной стороны на Вятичей, а с другой — на Червенские города; не даром же и Святополк он посадил в Турове на Припети. Очевидное невхождение Чернигова в пределы Владимировой державы и беспрестанная „рать“ Владимира с Печенегами — это показатели начавшейся борьбы двух торговых путей — в связи с оживлением и развитием пути „из Варяг в Греки“. Последнее обстоятельство возвышает теперь Киев за счет Вышгорода. Киев возник и возвысился к югу от впадения Десны, вне хазарско-угорского пути, в борьбе с Вышгородом, как противодействие ему со стороны торговцев пути варяго-греческого. С усилением в XI в. последнего, Вышгород не мог долго вынести соперничества с выросшим Киевом из-за близости географической, и роль его в этом соперничестве скоро перешла к другому городу этого пути — Чернигову¹ и надолго. Во время происшедшей после Владимира борьбы на Днестре, явившейся результатом обострения отношений, вследствие противоположности интересов торговцев этих двух путей, Святополк Деревский погибает в „горе Угорской“, а у другого участника этой борьбы — Бориса — видим любимого отрока Георгия „Угриня“; Святополку же в утверждении его в Киеве и в борьбе с Борисом помогали представители Вышгорода, связанного с хазарско-угорским путем. Несколько позже в том же XI в. в Киеве встречаем Моисея „Угриня“. Борьба Мстислава Тмутороканского — уже из Чернигова с Ярославом из-за Киева явилась продолжением той же, что и при Святополке, распри торговцев двух указанных путей. Между прочим, в эпоху борьбы князей во вторую половину XI в. мы встречаем исключительно смелые и быстрые марши в юго-восточную, связанную с Кавказом, Тмуторокань из Галичины и Волыни и обратно: Володарь Ростиславич, Давид Игоревич легко и быстро продвигаются этими путями, как хорошо известными, давно проложенными и употребительными. И когда в летописи под 1099 г. мы встречаем запись о борьбе угров с князьями Руси и половцами, то в этом не

¹ Соперничество Киева и Чернигова тянется до XIII в., но и в Вышгороде мы временами видим отдельного от Киева князя.

видим ничего неожиданного: это лишь конкретное выявление в летописную эпоху¹ тех связей, какие существовали в течение всего X и XI веков между Русью и уграми по пути „из хазар в угры“. Таким образом, этот последний путь — связанный с Волжским — обозначавшийся еще в IX в., существовавший затем в X и XI вв., был, конечно, старше варяго-греческого пути в целом, окончательно проявившегося и использованного на всем протяжении лишь с конца X в. (Арне, Шеленговский), после чего он временно в XI в. превалировал над путем хазарско-угорским. Но в разрушении старого племенного уклада на Руси и создании новых в сторону феодализации отношений, прежде и больше всего сыграл путь с востока на запад — от Волги к Дунаю — хазаро-угорский, который пережил затем путь варяго-греческий, в начале XII в. уже павший. История этих двух путей и борьба торговцев на них между собою, ярко отражалась на жизни и судьбах — как самого Киева, так и всей начавшей феодализироваться Киевской державы², причем в нее втягиваются и соседние страны, — в том числе Кавказ через Тмуторокань, явно тянувшую к хазаро-угорскому пути. Самые судьбы Тмуторокани отражают на себе колебания и изменения в торговом движении по хазаро-угорскому пути.

---

¹ Ведь это конец XI в. — начальная эпоха нашего летописания.

² Конечно, Киевскую державу ни в коем случае нельзя разуметь в очень обширных, восточно-европейских пределах, — источники для такого допущения не дают данных.

В последние годы в кругу историков Грузии велась дискуссия в связи с изучением социально-экономических отношений в Грузии во второй половине XVIII в. Одни утверждают, что Грузия к моменту ее завоевания Россией была еще страной натурального хозяйства; другие доказывают, что основы натурального хозяйства к этому времени были окончательно поколеблены, торговый капитал успел уже захватить главные артерии хозяйственной жизни страны и, под влиянием Тифлиса и других городов, денежное хозяйство заняло уже в стране господствующее положение.

Подходя к решению поставленного вопроса, мы обратились непосредственно к сохранившимся до настоящего времени историческим документам указанного периода и попытались на основании их установить отдельные показатели, характеризующие уровень экономического развития Грузии во второй половине XVIII в.

С этой целью мы остановились на изучении: 1) состояния городов в Грузии в указанный период, 2) состояния торговли, 3) роста частного накопления в городах и его источников, 4) накопления в руках феодальной знати и служилого дворянства, 5) ростовщичества, как средства накопления, 6) положения промышленности и ремесленного производства и 7) состояния сельского хозяйства. В соответствии с поставленными задачами изучения отдельных сторон социально-экономического уклада Грузии, работа наша получила свое внешнее оформление в подразделении ее на отдельные главы.

По статистическим данным 1770 г., в списке городов по Восточной Грузии числились: Тифлис (4000 дымов), Телав (740 д.), Цилкани (700 д.) Гори (500 д.), Сурам (200 д.), Ахал-Гори (140 д.), Сигнах (100 д.) и Ананур (100 д.)¹. Итого в перечисленных восьми городах насчитывалось 6480 дымов. Если принять во внимание, что всего в Восточной Грузии в это время числилось населения 55290 дымов (кроме ди-дойцев и Казах-Шамшадилы), то городское население его составляло 11,7% общего количества. Через 11 лет, т. е. в 1781-82 гг. численность городского населения Восточной Грузии уменьшается: в Тифлисе число городских жителей снижается до 3498 дымов (меньше на 12,5%), в Ахал-Гори до 88 дымов (на 42%), в Гори в 1794 г. до 227 д. (на 54, 6%)².

Таким образом наибольшая населенность городов Грузии во второй половине XVIII столетия относится к семидесятым годам. Что представляло из себя по социальному составу и занятиям городское население Грузии того времени, лучше всего видно на примере Тифлиса — самого крупного города не только Грузии, но и всего Закавказья этого периода.

По данным 1781-82 гг., из 3498 дымов населения Тифлиса в самом городе проживало 2329 дымов, а остальные жили за городской чертой: на Авлабаре, в окрестностях Метехского замка и в Гаретубани. Почти все пригородное население занималось сельским хозяйством. В 1801 г. царица Дарья писала: „Авлабар со времени турецкого господства был превращен в пустошь. 26 лет тому назад я построила там на свой счет ограду, дворец и церковь, собрала людей и поселила; так что теперь там находится 94 дыма моих крепостных. Они живут около меня и занимаются доставкой дров и углей, а когда нужно, я вывожу их и на работу. Если их службу пере-вести на деньги, то ее придется оценить, по крайней мере,

¹ ს ა ქ ა რ თ ე . წ ა რ ს უ ლ ის ს ა ს ტ ა ტ ი ს ტ ი კ ი თ დ ა ს ა ე კ ო ნ ო მ . შ ე ს ა ს წ ა ე ლ ა დ ; რ უ რ . „ქ ვ ა ლ ი“ № 11, 1898 წ .

² ივ . ჯ ა ვ ა ზ ი შ ვ ი ლ ის წ ე რ ა ლ ი : „ქ ა ლ ა ქ ე ბ ი , ს ა ქ ა ლ ა ქ ო წ ე ს წ ე დ ბ ი ლ ე ბ ა დ ა ც ო ბ ე რ ე ბ ის ვ ი თ ა რ ე ბ ა ს ა ქ ა რ თ ე ვ ე ლ ო შ ი მე XVII—XVIII ს ა ს ტ ა ; რ უ რ . „პ რ ო მ ე თ ე“ . № 1, 1918 წ .

в 300 рублей. Галу¹ с авлабарских полей получала я до разорения Тифлиса² в год сто код³, — то больше, то меньше⁴.

Такие же сведения находим в том же документе и относительно других предместий Тифлиса, как, напр., Куки, Гартубани и Цихис-Дзири.

По словам акад. Гюльденштедта, тифлисские „городские жители питаются большей частью своими виноградными садами и виноградными насаждениями, а особенно обработыванием хлопчатой бумаги“⁵. Не подлежит сомнению, что даже жители центральной части города не порывали связи с земледелием. Тот же Гюльденштедт в другом месте пишет: „Все ... городские промыслы очень мелки, выполняются случайными лицами, а настоящих мастеров нет“⁶.

Под этими „случайными лицами“, кроме переходящих сезонных ремесленников следует подразумевать и городских обывателей, сохранивших связь с обработыванием земли, и отчасти занимавшихся ремеслами. Об этом имеются соответствующие указания в других документах. Как видим, полное отделение ремесленников от земледелия в это время не было даже в крупнейшем городе Грузии.

Не менее интересен вопрос и о социальном составе тифлисского населения. По переписи 1781-82 гг., из 3498 дымов, по словам проф. И. Джавахишвили, только 98 д. составляли свободное население, остальные 3400 д. были крепостными. Из числа последних, 1589 д. принадлежали представителям царского дома и 1811 д. — церкви и светским феодалам⁷. Закрепощено было почти все ремесленное и даже торговое население. Социальный состав населения Тифлиса в процентном отношении, по приведенным данным, дает следующую

¹ Оброк хлебом.

² Подразумевается нашествие Ага-Магомет-Хана в 1795 г.

³ Приблизительно до 300 пудов.

⁴ „Груз. древности“, III док., № 311.

⁵ Описание Грузии и Кавказа. Из путешествия академика И. Я. Гюльденштедта, стр. 184.

⁶ „Старый Тифлис“, под ред. профессоров М. Я. Полиевктова и Г. Натадзе, стр. 42.

⁷ შპრ. „ზნობილი“, № 1, გვ. 43, 1918 წ.

щие показатели; свободные от крепостной зависимости составляли 2,8%, крепостные—97,2%. Весьма возможно, что здесь мы имеем дело с неточными сведениями¹ но, несмотря на это, данная общая здесь картина все же характерна. Таким образом, столица Восточной Грузии—Тифлис, где не менее 50% жителей занимаются земледелием и 97,2% их являются крепостными, производит впечатление средневекового города. Но если Тифлис того времени одновременно был и городом, и деревней, то несомненно, такая же картина имела место и в других городах Грузии.

Так, например, про Гори имеются прямые указания на то, что жители его были тесно связаны с земледелием и вообще с сельским хозяйством². Про Телав следует отметить, что из значившихся в нем по описи 1770 г. 740 дымов, только часть проживала в самом городе, а остальные в смежном селении³. Что касается самого внешнего вида этих мелких городов, то, например, Языков в 1770 г. рисует его так: „Ныне жителей в городе Гори немного, и видно по развалинам, что их было более; домов несколько есть изрядных, а по большей части землянки. Душет, Мухрань, Цхинвали, Сурам и Ананур (монастырь)—небольшие крепости, жители в них живут в землянках⁴. Такова общая картина состояния наших городов в изучаемый период. Она говорит о слабости развития в стране товарно-денежных отношений.

II

Перейдем к характеристике состояния торговли этого периода в Грузии. Упомянутый уже нами акад. Гюльденшtedт, посетивший Грузию и Кавказ в семидесятых годах XVIII в., по этому вопросу пишет, что „в Тифлисе многие

¹ По сведениям Клапрота, которые он получил от полиции в 1807—1808 гг., в Тифлисе числилось: 160 азнауров (дворян), 216 тавадов (князей), 3 архимандрита, 1 митроп., 1 епископ и т. д.; все они были свободными.

² Грузин. древн., т. I кн. 1-ая док. № 195. 1820 г.

³ შობ. „გვარნი“, № 11, 1898 წ.

⁴ Ц а г а р е л и. Грамоты, т. I, стр. 188.

занимаются торговым промыслом, но они только мелочные торгаши, или, лучше сказать, лавочники, у коих находятся обыкновенные материи, всякое мелочное изделие, пряное коренье, съестные и прочие припасы“¹. По словам другого современника — Бурнашева — „лавок с красными товарами, рукоделиями и съестными припасами насчитывалось в столице Грузии до 500“². Но что это были за лавки, видно из того, что многие лавочники в Тифлисе имели в своих лавках товаров не больше, чем на пять рублей³. Таким образом, Тифлис изучаемого нами времени был городом, где большая часть торговцев обладала ничтожными капиталами. Об этом, между прочим, явственно говорит один из документов тридцатых годов XIX в., в котором сказано, что „до разорения Тифлиса Ага-Магомет-Ханом, торговля в нем была в самом жалком состоянии“⁴.

Таким образом, экономический вес Тифлиса, как торгового центра, для Грузии в то время был невелик; о значении его в хозяйственной жизни страны много говорить не приходится. Из одного весьма ценного документа — „Моуравис-сарго“ — можно видеть, что на тифлисском рынке в тот период торговали вином, дровами, углями, виноградом, фруктами, маслиной, сливочным и постным маслом, скотом, лесом (плоты), рыбой (храмули и пичхули). Небольшая часть этих предметов ввозилась в Тифлис из разных районов Грузии, значительная же часть их доставлялась ближайшими к городу деревнями (Дигоми, Коджоры, Цхнеги и др.) и даже из тифлисских садов⁵.

В Тифлисе продавались также кахетинские мед и воск⁶; из Сурама и Гори на плотах доставлялись пшеница и ячмень⁷, хлеб ввозился также из Борчалы и Казача⁸.

¹ Описание Грузии и Кавказа, стр. 184—185.

² Бурнашев, Картина Грузии, стр. 3.

³ Бакрадзе и Бардзенов, Тифлис в истор. и этнограф. отношении, стр. 101.

⁴ Обзорные российские влад. за Кавказом, ч. 1, отд. 2, 48.

⁵ Груз. древн., т. II, док. № 495, 497.

⁶ Описание Грузии и Кавказа, Из „Путешествия Гюльденштедта“, стр. 195.

⁷ Там же стр. 185.

⁸ პლატ. იოსელიანი. „ცხოვრება მეფე ვიწროვი მეცამეტისა“, გვ. 213.

Достаточных данных о том, в каком количестве ввозились эти предметы не имеется. Но для того, чтобы составить об этом общее представление, достаточно припомнить, что большая половина тифлисского населения сама занималась сельским хозяйством и, следовательно, сама же производила значительную часть перечисленных выше предметов ввоза. Мы уже упоминали, что царице Дарье крепостное население ее тифлисских предместий (Авлабар, Куки и др.) обязано было доставлять дрова, угли и платить оброк хлебом и т. д. С другой стороны, в Тифлис доставлялись товары не из одной только Грузии, как свидетельствует о том упомянутая нами „Моуравис-сарго“.

Так из Ганджи в Тифлис ввозились: виноград, осетр, лосось, севрюга, сушеная рыба; из Ахалциха и Ацхури — фрукты; из Карса и Эривани — соль и т. д.¹ Сам по себе довольно ограниченный рынок Тифлиса снабжался, таким образом, не только произведениями грузинской деревни, но и лежащих за границами Грузии районов Закавказья.

Охарактеризованное выше состояние внутренней торговли Грузии подтверждается и другими данными. Так, в 1768 г. в Телаве можно было купить „соль, шелк, рыбу, парчу, хлопчатую бумагу, съестные припасы, вино и пр.“². В Гори продавались: соль, рыба, вино, водка. По словам Гюльденштедта, „армяне и евреи торговали в Они железными товарами, получаемыми из Цедиса, карталинскими бумажными материями, солью и рисом, и для того осетины приезжали туда из Двалет, Дигори, Басиани и Зоны“³.

Но зачастую на местных рынках производитель и потребитель обходились без посредников — торговцев. Один из авторов, писавших о Закавказье начала XIX в., Дубровин, сообщает: „Торговли в Лечхуме вовсе не было, кроме селения Лайлаш, где поселившиеся несколько человек армян и евреев скупали у населения лисьи и куны меха, отвозили их в Поти, а оттуда вывозили соль, бумажные ткани и про-

¹ Грузии. древн., II док., № 496, 497.

² Пурцеладзе. Кр. Гр., стр. 20—21.

³ Описание Грузии и Кавказа, стр. 317.

давали их в Лечхуме. Торговля там вообще была так незначительна, что ею могли существовать едва только несколько домов¹.

Подобная же картина наблюдалась и в других районах Грузии. Покупались и продавались продукты и сельского хозяйства, и ремесленного труда. Но это не было общераспространенным явлением. Напротив ограниченность обмена предметами широкого потребления через посредников-купцов дает основание говорить о слабом развитии в Грузии денежно-менового хозяйства и о мало заметном росте в ней товарного производства.

О внешней торговле Грузии исследуемого периода имеющиеся у нас данные говорят следующее.

Грузия имела торговую связь с Ираном, Турцией, кавказскими народами и Россией. Но с соседними странами она вела торговлю большей частью предметами не собственного производства, а транзитную. Иранские и турецкие товары провозились через Грузию и попадали к народам Северного Кавказа и России и наоборот. „Хозяин мой,— пишет Артемий Араратский—привезенный из Тавриза товар должен был везти в Дегестан и продать оный в первом пограничном с Грузией городе Белокане, а там купить шелку и с оным отправится через город Андреев в Кизляр, оттуда же в Астрахань“². По словам ген. Лазарева „купечество тифлисское производит главный торг с Персией панскими товарами, привозя сюда парчи, дорогие камни, хлопчатку, жемчуг и иногда сахар и кофе и разные мелочные товары, а туда отвозит российское железо, мягкую рухлядь, сукна и также разные мелочи; с Турцией имеет торг мелочный“³.

По свидетельству Бурнашева, из Грузии „товары отправляются в Персию и Индию с привезенными из России в небольшом количестве товарами; а оттуда получают с караванами шелковые, бумажные, персидские и индийские материи, также и фарфоровую посуду“⁴. Из этого свидетель-

¹ Дубровин. Закавказье от 1803 до 1806 г., стр. 142.

² Жизнь Арт. Араратского. ч. 2 стр. 9.

³ Лкты К. А. К., т. 1, док. № 419.

⁴ Бурнашев. Картина Грузии, стр. 2.

ства видно, что Восточная Грузия теснее даже была связана с Ираном, чем с Россией. Но, ведя незначительную по размерам торговлю с Россией, Грузия, как и вообще все Закавказье того времени, вела через Россию торговлю также с Западной Европой. Это видно из того, что среди товаров, привозимых из России, мы находим предметы западно-европейского производства. Да и сами русские купцы того времени, по словам Теплова, были „ничто иное, как прямые наемщики или, лучше сказать извозчики купцов иностранных“¹.

Само собою понятно, что внешняя торговля Грузии базировалась больше всего на западно-европейском, российском, закавказском и иранском купеческих капиталах.

Предметами внешней торговли были, главным образом, предметы роскоши, предназначенные для удовлетворения утонченного вкуса высшей знати. Из самой же Грузии вывозилось почти исключительно сырье: шелк, марена, хлопок, отчасти вино и пр., и то в незначительном количестве.

За отсутствием удобных и безопасных от нападений путей сообщения трудно было вести широкую внешнюю торговлю вообще; торговля же предметами первой необходимости и массового потребления, требовавшая более совершенных способов передвижения товаров и хороших путей сообщения была совершенно невозможна. „Приехали в наше селение из Тавриза с товарами тифлиские купцы, коих в караване с работниками было человек до 50, почти все армяне. Они следовали в Тифлис и были вооружены, как говорится, с головы до ног“, сообщает Арт. Араратский². „Купеческому каравану—говорит тот же автор в другом месте,—часто приходилось по дороге защищаться от нападения лезгин и других шаек оружием“³. „Об'ятые страхом шли мы—пишет он же—около четырех часов по весьма узкой тропинке, не встретив нигде никакой ложины, на которой можно было бы расположиться и поставить себя в оборони-

¹ Проф. И. М. Кулишер. История русской торговли, стр. 224.

² Жизнь Арт. Араратского ч. 1 стр. 260.

³ Там же стр. 276, 283.

тельное положение“¹. Ираклий II поручает Бебутову и Везиришвили руководить арбами, которые были отправлены за солью в Карс, причем предупреждает их ехать осторожно и так, чтобы арбы не отставали друг от друга². Хлеб из Сурама и Гори в Тифлис доставлялся по Куре, на плотах. Везти товары через Дарьяльское ущелье было сопряжено с большими затруднениями и опасностями. Понятно, что в таких условиях внешняя торговля предметами широкого потребления с отдаленными странами была не только затруднительной, но и невыгодной. По словам Бурнашева, „железо употребляется в Грузии привезенное из России, покупая оное в пять раз дороже; дороговизна эта происходит от трудного доставления его через Кавказские горы“³. Ясно, поэтому, что внешняя торговля сводилась почти исключительно к торговле товарами портативными — предметами роскоши.

Потребителями ввозимых товаров являлись феодальная аристократия и наиболее состоятельные городские жители. Остальная масса населения, — крестьянство, — лишено было денежной покупательной способности. Оброк помещикам крестьяне платили натурой. Уполномоченный русского правительства в Грузии капитан Языков в 1770 году писал: „Царь с поселян оброк берет хлебом, вином и скотом, и деньгами почти никогда“.

В другом месте Языков пишет: „Жители Карталинии и Кахетии весьма бедны... редкий мужик имеет сто копеек, а когда у мужика несколько покажется денег, то, ежели не успеет князь его их отнять, то царь отнимет. А хлеба оставляют мужику столько, что бы ему до нового стало. Они как нарочно равняют, чтобы все были бедны и, в самом деле, чрезвычайна бедность поселян. Поселяне и жены их платье и рубашку носят до износу, а когда совсем издерут, тогда уже начинают стараться о новой; я несколько раз видел, что жен-

¹ Жизнь Арт. Араратского, стр. 234.

² Грузинск. древн. т. III, док. № 88.

³ Бурнашев. Картина Грузии, стр. 2.

щина, сидя нагая, моет рубашку и, вымыв ее, опять надевает, а ребятишки многие нагие бегают“¹.

Грузинские письменные источники рисуют ту же самую картину: жители Метехи в 1789 г. заявляют царю Ираклию, что избы их похожи на курятники, что они испытывают крайнюю нищету, судьба их горька, что они валяются, как нищие в своих избах, и „если продать всех нас, то вырученного не хватит на починку обвалившейся стены крепости“². Лишите этих крестьян права пользования землей, и они станут настоящими пауперами. В силу господствовавшего в грузинской деревне помещичьего произвола, естественно, что пауперизм мог быть в ней явлением обычным. При крайне низком уровне покупательной способности крестьянства, т. е. основной массы населения Грузии, спрос на предметы обрабатывающей промышленности был ничтожен, что, конечно, не могло не отражаться крайне отрицательно на развитии самой внутренней торговли.

За границу из Грузии вывозилось почти исключительно сырье и то в малом количестве. Ввозились, как уже мы сказали, только предметы роскоши.

Изложенное выше дает основание охарактеризовать хозяйство Грузии XVIII века, как натуральное.

О размерах торговли Восточной Грузии имеются следующие данные, правда не могущие претендовать на абсолютную точность, но все же рисующие картину, очень близкую к действительности.

1. Общий годовой пошлинный сбор по Восточной Грузии в 1801 г. составлял от 21.000 до 22.000 рублей³.

¹ Д. Цагарели. Грамоты, 1 стр. 189.

² მგრმეთ ამას პოქახსენებთ ჩვენს ხელმწიფგს: მოგესხენებათ ჩერნი ცხოვრება, რომ თუ არ დიდი დაჭირება, თორემ აქ მართებული კაცი ვინ დადგება და ან ვინა დგას, თითო საქათმესა გავს, ქონებში ვყრივართ, დლიურათ ვრჩებით, მწარეთ უილაჯონი და გლახები. ვხლა ოქმი გიბძანებია, რომ მეტეხის ციხის კარს ზეით კედელია გადაქცეული, მეტეხსლებმა უნდა აგონო. ჩემო ხემწიფე, იმას ორ-შოც-სამოცი ვერ აგებს და ჩვენც სულ დავიციდნეთ, ორმოც თუმანს არავინ მოგვცემს, წაუცვივით (Sic), თორე ამისი შეძლება ვის გვაქვს.“ (საქ. სიძგ., III, საბუთო № 65)

³ Сюда внесены доходы, поступающие от застав как в царскую казну, так и в кассы отдельных владетельных феодалов.

2. Годовой оборот внешней и внутренней торговли колебался около 275.000 руб.

3. Торговый оборот не превышал государственного бюджета.

4. Доход с торговли в казну равнялся 17.000 руб. и составлял примерно $\frac{1}{15}$ государственного бюджета.

5. В среднем на каждого жителя страны годовой торговый оборот по этому расчету не превышал одного рубля¹.

Фактически он был еще меньше, если принять во внимание следующие обстоятельства. Пошлинный сбор состоял, главным образом, из поступлений с предметов ввоза и вывоза. Значительная же часть товаров, ввозимых в Грузию, шла через нее транзитом в другие страны и при вывозе вторично оплачивалась вывозной пошлиной. „Буде из России, Персии и Турции привезенные товары хозяин оных пожелает вывезти оные, то противу заплаченной им при ввозе пошлины платит он еще половинную часть и при вывозе, а ежели те товары продаст он здесь (в Тифлисе) и покупатель вывезет, то с них полная пошлина взыскивается“². Так пишет Ковалевский в своем докладе Кноррингу о доходах Грузии 1801 года.

Отсюда ясно, что с товаров, которые только провозились через Тифлис, пошлина бралась дважды. Но известно также, что пошлину брали с провозимых товаров не только в Тифлисе; ее взыскивали и в других пунктах, напр.—в Мцхете, Гори, Душете, Кизики и др. Бывали случаи, что с одного и того же товара, провозимого через Грузию, бралась пошлина два, три и даже четыре раза. Из этих неоднократных сборов и составлен приведенный нами выше пошлинный доход.

Если учесть это обстоятельство, то следует признать, что фактически торговый оборот Грузии должен был быть намного меньше, чем он исчислен выше на основании приведен

¹ Расчет и приведенные данные составлены нами на основании документов: 1. საქართველოს სასტ. და საეკონომიო შესასწავლად (Жур. „კვლი“, № 11, 1898) и 2. „Ведомости приходов, 1801 г. за весь свой год по откупным статьям“ (Акты К. А. К. т. I № 583).

² Акты, т. I, № 583.

ных данных. О росте торговых оборотов в этот период мы имеем следующие данные.

По свидетельству Языкова, тифлисская таможня в 1770 г. давала казне дохода 10000 р. К концу существования грузинского царства, т. е. к 1801 г., этот доход составлял уже не меньше 13000 р. Таким образом за 30 лет доходы таможни, а, следовательно, в известной части и тифлисская торговля значительно возросли; по крайней мере, в отношении таможенных доходов рост этот определялся в 30%.

Ряд данных, относящихся к исследуемому периоду, свидетельствуют об организации в Грузии торговых товариществ. Так, в 1795 г. золотых дел мастер Давиташвили и Карташи заключают товарищеский договор, по которому Давиташвили вносит 800 руб., а Карташи 1600 руб. Общий капитал товарищества составлял, таким образом, 2400 руб. Давиташвили обязывается вести торговлю золотыми изделиями и как барышом, так и убытком делиться пополам с Карташи¹.

По другому документу видно, что тифлиссский житель Бежан Гочгочанов уполномочивает тифлиссского же жителя Хатагоева „окончить торговые дела первого и собрать все (причитающиеся ему) получения в Басре, Бушире, Мадрасе и во многих местах Индии“².

О значении торговли и роли купцов, царевич Вахтанг писал: „Купцы наиболее способствуют обогащению государства. Они презирают все неудобства, переплывают моря, проходят неизмеримые пространства, часто подвергают жизнь и имущество свое очевидной опасности, плодами таковых трудов водворяют в обществе изобилие и благосостояние. Хотя их страсть к умножению богатства и осудительна сама по себе, ибо она проистекает от сребролюбия, однако же, польза приносимая ею целому народу, не дает места основательным упрекам“³.

Итак, в конце XVIII в. мы наблюдаем в Грузии определенный, хотя и незначительный рост торгового оборота.

¹ Пурцеладзе. Крестьянск. грамота, стр. 61—62.

² Там же, стр. 99. Напечатанное в скобках вставлено нами—Д. У.

³ Письма Вахтанга Ираклевича, 1812 г.

Но он шел, как говорилось выше, главным образом, за счет внешней транзитной торговли, а транзитная торговля не могла сколько-нибудь заметно поколебать господствовавшее в то время в Грузии натуральное хозяйство.

Благодаря транзитному характеру торговли, многие из купцов покидали пределы Грузии и переселялись в другие страны. В таких случаях с ними, конечно, уходила из Грузии и большая часть накопленного ими капитала. Чтобы предотвратить это явление, царь Ираклий II в 1784 г. вынужден был издать приказ: „Имения тех горожан гор. Тифлиса и Гори, которые переселяться в другие места и страны, обращать в казну и продавать частным лицам с нашего разрешения“¹.

По вопросу о том, какие социальные группы были вовлечены в торговые операции вообще, мы имеем следующие данные. Дошедшие до нас сведения дают основание полагать, что торговля не только в Грузии, но и во всем Закавказье находилась тогда почти исключительно в руках армянского купечества и евреев. Крестьянство было весьма слабо втянуто в торговый оборот, в виду натуральных основ его хозяйства. Что касается грузинской феодальной аристократии, то она, не имея прямого отношения к торговым операциям, все же косвенно в развитии торговли была заинтересована. Высшее дворянство и духовенство нуждались в предметах роскоши. Местные ремесленники, а тем более крепостные крестьяне не могли удовлетворить всех их потребностей в полной мере. Они не могли изготовлять тонких тканей, украшений и т. д., „не могли их делать так красиво, как это делали в других странах“. Поэтому феодальная знать была заинтересована в развитии торговли. Торговля эта, помимо того, облегчала бы дворянству реализацию (в обмен на предметы роскоши) излишков сельскохозяйственных продуктов, получаемых ими в виде оброка с крепостных крестьян. Наконец, развитие торговли способствовало бы и у величению источников дохода части высшей знати. Наглядным примером этому мо-

¹ Д. Пурцеладзе. „Крестьян. грамоты“, стр. 42.

жет служить следующий факт. Царевич Вахтанг владел Арагвским ущельем, и ему было предоставлено право взимать в свою пользу пошлину с провозимых через его владения товаров. Чем больше развивалась торговля и чем больше провозилось через его владения товаров, тем больше росли его доходы. Отсюда становятся еще более понятными приведенные выше восторженные слова царевича, что „купцы наиболее способствуют к обогащению государства“, что „хотя их страсть к умножению богатства и осудительна сама по себе, ибо она проистекает от сребролюбия, однако же польза, приносимая ею целому народу, не дает места основательным упрекам“. Ущельями (по которым шли торговые пути) и заставами владел, конечно, не один только Вахтанг. Для умножения своих доходов феодальное государство было заинтересовано в развитии этой торговли. Поэтому оно всячески покровительствовало ей. Помимо этого, стимулом к развитию торговли являлись также намечающиеся тенденции к „европеизации“ общественных и политических отношений Грузии в XVIII в.

Итак, отношение грузинской феодальной знати к торговле было не отрицательное, а положительное, но неактивное. Феодальное дворянство покупало предметы торговли, продавало излишки сельскохозяйственных продуктов, но не выступало ни в качестве посредника торговца, за самым редким исключением, ни в качестве производителя товаров. Таким образом, феодальная знать и государство были заинтересованы в известном развитии торговли. Тем не менее, дворянство, как и повсюду, оставалось верным носителем и защитником старых сословных традиций. В хозяйственной жизни страны оно выступало лишь как эксплуататорское и потребляющее сословие. Торговые же интересы, которыми были задеты феодальные классы и их государство, не меняли натуральных основ господствовавшего еще тогда феодального строя, производственных отношений.

Суммируя все ранее сказанное о торговле в Грузии в описываемый период, можно прийти к следующему заключению: 1) во второй половине XVIII в. торговля в Грузии проявляла тенденцию к росту, но все же ее размеры были

еще незначительны; 2) внешняя торговля по своим оборотам значительно преобладала над внутренней торговлей; 3) предметами торговли были, главным образом, предметы роскоши, шедшие на удовлетворение изысканных вкусов высшей знати, а не предметы первой необходимости и массового потребления, ввиду господствующего в стране натурального хозяйства; 4) одновременно с торговлей происходило некоторое накопление капиталов в среде профессионального купечества.

III

В процессе накопления капиталов в стране не меньшую роль играли также откупы, ростовщичество, грабежи и воровство царских чиновников.

На откуп сдавались: государственные таможенные сборы, как в Тифлисе, так и в других торговых пунктах Грузии, рыбные и винные пошлины, государственные предприятия (монетный двор, весы, медный завод, бойня и другие), короче говоря, — значительная часть доходов государства. На откупе же обычно состояли и доходные статьи отдельных членов царской фамилии, высшего духовенства, церкви и даже частных лиц. Для таможенных пошлин существовал тариф, по которому откупщики должны были взимать эти пошлины. В 1801—1802 гг., как и до этого времени, ставки таможенного тарифа были фиксированы в следующих размерах: с вьюка сахара — 4 руб. 60 коп., с батмана шелку — 1 р. 20 к., с вьюка хлопчатой бумаги — 2 р. 30 к., с вьюка говядины — 1 р. 40 к., с вьюка воска — 4 р. 60 к. С тифлиских товаров, отправляемых в Россию и Имеретию, было положено взимать с рубля 4 коп., а с отправляемых в Иран и Турцию по 15 коп.¹

Для того, чтобы взять на откуп те или иные государственные доходы, откупщики должны были располагать солидными, потому времени, капиталами. Так, напр., в 1800—1801 гг. правительство сдавало в откуп таможен-

¹ Акты Кав. Археогр. Ком. 1, № 583.

ные пошлины в Тифлисе за 13000 руб. в год, табачный сбор— за 500 р., винные пошлины— за 2933 р. 30 к., медный завод— за 10056 р. По сведениям Языкова, монетный двор еще в семидесятых годах XVIII в. сдавался за 30000 р. в год. О размерах прибыли, получаемой откупщиками, у нас нет сколько нибудь определенных и точных данных, но несомненно то, что откупщики получали немалые доходы.

Косвенно об этом свидетельствуют следующие данные. В год присоединения Грузии к России, Коваленский в своем докладе барону Кноррингу писал: „Казна и частные лица иногда с ущербом своим по неизвестности получают доходы от откупщиков, а сии последние нередко покорыстолюбию могут притеснять промышленников“¹.

По свидетельству другого современника, ген. Лазарева, „пошлинный сбор с привозимых в Тифлис и вывозимых из оного товаров отдается на откуп, за который берется обще с солью 13200 р. и, как замечается, по сей части происходят большие злоупотребления“².

Привиденные данные говорят нам, что хотя и существовал тариф таможенных сборов, но, как видно, откупщики не придерживались его. Они взимали по своему усмотрению, чем и создавали серьезные препятствия росту торговли и промышленности. При таком положении с откупками последние представляли, несомненно, один из главных путей накопления. Откупными операциями занимались нередко те же торговцы. Но в основном они сосредоточивались в руках профессиональных откупщиков. Располагая капиталами, откупщики могли к тому же ссужать деньгами феодальную знать, которая тем самым становилась в некоторую экономическую зависимость от откупщиков.

¹ Акты I, № 583 (разрядка наша).

² Там же, № 419.

Феодальная аристократия, не принимавшая активного участия ни в торговле¹, ни в содержании откупов, как в занятиях, для ее сословия „предосудительных“, имела другие источники накопления. Это были с одной стороны ограбление эксплуатируемых ею крестьян, с другой — государственная служба и, в связи с нею, взяточничество и присвоение казенных доходов. Представители знатнейших фамилий были одновременно крупнейшими царскими чиновниками и за исполнение своих обязанностей они получали определенную долю из казенных и царских доходов; при этом недостаточная определенность в деле взимания государственных налогов и сборов давала им возможность брать с населения в свою пользу значительно более того, чем полагалось, а иногда попросту грабить его. Таким образом, феодальная знать грабила и казну и население. Кизикский моурав, как чиновник, получал в год деньгами и натурой не меньше 3000 рублей². Это по официальным данным; неофициально же еще больше.

Очень большие доходы имел и тифлисский моурав. Он брал деньгами за разбор судебных дел; деньгами же получал более чем 10% с пошлинного сбора, штрафных сумм и некоторых других поступлений. Но большая часть его доходов состояла из натуральных взысканий. Мясники снабжали его большим количеством мяса и сала; виноторговцы вином, другие — кто маслом, сахаром, рисом и т. п. В документах имеются указания, от каких торговых заведений тифлисский моурав получал обязательные приношения натурой, а также и перечень этих продуктов (несколько десятков разных названий) и все это далеко не в малом количестве³. Судя по этому перечню, доходы тифлисского моурава были намного больше доходов моурава кизикского.

¹ Имеются единичные случаи, когда представители феодальной знати были замешаны в коммерческие дела; это были представитель арм. фамилии Манучар Туманишвили, Э. Церетели и, быть может, еще два или три лица.

² „Грузин. древн.“, III, № 161.

³ „Грузин. древности“, II, № 496, 497.

Сахлтухуцесу (гофмаршалу) — главному царскому чиновнику — полагалось 10% почти всех казенных доходов. Помимо того, он же получал, так наз. „милахварское продовольствие“. Чтобы судить о доходах сахлтухуцеса, мы приведем здесь данные о доходах жены кахетинского сахлтухуцеса Чолокаева. Она получала в год хлеба — 1065 код, вина — 10 сапалн, баранов—48 голов. Кроме того, „милахварского продовольствия“: хлеба—164 пуда, вина—120 ведер, мяса—82 пуда и около 82 пуда приправы.

Деньгами она получала (с пошлин, откупов и жалованья) 690 руб. Помимо этого, она имела десятую часть всего хлебного урожая, со всей распашки для царя. Сюда, конечно, не входили доходы сахлтухуцеса от его собственных имений.

Помимо перечисленных высших чиновников, казнокрадством, ограблением населения и взяточничеством особенно широко занимались лица, занимавшие должность „мдивани“, которых было примерно по 4 в Карталинии и Кахетии. Они вели делопроизводство и нередко собирали для царского дома оброк с крепостных крестьян¹, принимали участие в производстве судебных дел; им же поручалась перепись населения². За исполнение перечисленных обязанностей мдиванам полагалось определенное вознаграждение. Так, напр., они получали из 20 коп. сбора за перепись 17,5 коп.³ Не ограничиваясь установленным отчислением, они очень часто, под видом даровальных подношений, брали взятки, а иногда попросту присваивали собранные суммы и т. д.

Не менее показателен другой документ. В нем сказано о поступившем донесении царю Ираклию, что мдиван Сулхан присвоил казенных денег 4000 р., у самого царя выманил 2000 р., получил в свою пользу казенные деньги в Моздоке в сумме 8000 р. золотом и т. д.⁴ Всего Сулхан присвоил не маленькую, по тому времени, сумму — свыше 14000 р. В 1795-97 гг. одному из крупнейших чиновников Ираклия II,

¹ „Грузин. древности“ III № 352.

² Там же, III, № 585.

³ Кр. гр. стр. 80.

⁴ „Груз. древн.“, III, № 347.

мишкарбашу (егермейстеру) Иосифу Бебутову, поручено было восстановить мост, разрушенный при нашествии Ага-Магомет-Хана. Мишкарбаш медлит с постройкой и намеренно ее затягивает, откровенно заявляя, что ему выгодно это, так как каждый лишний день дает ему внушительный доход¹. Подобного рода злоупотребления занимались все должностные лица, начиная с самых крупных и кончая самыми мелкими. Злоупотреблениям способствовали неопределенность в системе государственных доходов, а также функций царских чиновников. Привилегированное сословие — князья и дворяне, незанимавшиеся торговлей и откупам, как делом для них предосудительным, находило другие пути для своей наживы и обогащения.

V

Среди источников накопления в Грузии в описываемый период не последнее место занимало также ростовщичество. Им занимались и откупщики, и царские чиновники, и духовенство. Князь Джавихишвили занимает у мдивана Магалашвили 55 р. и платит проценты за каждые 10 р. по 20 к. в мес., что составляет 24% годовых². Князь Роман Амираджиби закладывает своему зятю Давитишвили Заалу землю и получает под нее ссуду 30 р. Но Амираджиби не удается уплатить долг в назначенный срок и заложенная земля переходит в собственность Давитишвили³.

Во втором томе сборника „Грузинские древности“ помещен список расходов и долгов князя Елизбара Давитишвили, из которого видно, что он платил своим займодавцам: одному — деньгами 24% в год, другому, за взятые 30 р. в качестве процентов 18 код пшеницы, третьему за 50 р. в год одних процентов 60 р., т. е. 120% годовых. Отец мдивана Иессия занимает деньги и платит за них 60%⁴.

О ростовщичестве сохранилось очень много неизданных документов. Приведем несколько примеров. Князь Тумани-

¹ „Груз. древн.“, III, № 386.

² „Груз. древн.“, II, № 304.

³ „Грузинск. древн.“, II, № 460.

⁴ ს. კაკაბაძე, თავდასხვალნი იესე მესხვილია გვ. 8.

швили Гогия, заняв деньги у своего дяди мдивана Иосифа, платит ему 18% и отдает в залог свою долю имения и крепостных крестьян¹. Каранбежанишвили занимает у своего родственника мдивана Иосифа 40 р. платит ему 18% и закладывает заимодавцу виноградник своего крепостного крестьянина и трехдневное пахание земли. Харгрдзели Шио занимает у мдивана Сулхана 80 р. и закладывает ему виноградник с тем, что за виноградником будет ухаживать должник, а урожай будет разделен поровну между должником и заимодавцем². Узбаш Гогия занимает у мдиванов Манучара и Сулхана 50 р. и платит им 24%³. Мдиван Манучар Туманишвили отдает под проценты 800 р.⁴, тот же Манучар отдает другому лицу под проценты 120 р.⁵

Ростовщичеством занималось также и духовенство. Князь Амираджиби занимает у морвельского архиепископа Юстина 215 р. под залог двух крестьянских семейств и бриллиантовых серег с обязательством платить 12%⁶.

В 1766 г. гелатский епископ Иосиф в своем завещании пишет царю Соломону I, что грек Иессей и его товарищ должны ему сто плури; ему же сто марчил с процентами должен Байдурашвили, вексель хранится у кутатели; епископ просит царя не требовать с должников процентов, взыскать только основную сумму⁷. Кутаисский митрополит Досифей дает 500 марчил займа Бежану Эриставу и в залог берет у него 5 дворов крепостных крестьян⁸. Но что ростовщичество не было в Грузии явлением только второй половины XVIII в., что оно было распространено и в первой половине XVIII в. и в XVII столетии, об этом ясно говорят сохранившиеся до настоящего времени исторические документы. Еще в первой половине XVIII в. карталинский царь

¹ საქართვე. მუზეუმის Sd კოლექცია № 176.

² Там же, № 158.

³ Там же, № 152.

⁴ Там же, № 153.

⁵ Там же, № 155.

⁶ Пурцеладзе. Кр. гр., стр. 80

⁷ ს. კაკაბაძე. წერილები და მასალები საქართვე. ისტორიისათვის; წიგ. I. 83. 56.

⁸ Пурцеладзе. Кр. гр., стр. 119.

Вахтанг VI в своем сборнике законов писал: „На сей предмет в Грузии не обращали внимания; недавно еще отдавали в заем за 120 %, а часто брали и проценты на проценты“. „Кто несправедлив — продолжает он далее — и ненавидит душу свою, тот отдает деньги в заем за 30%, кто хотя немного любит ее — за 24%, кто побольше любит — за 18%, а кто по-долгому любит — за 12%. Всего лучше для души совсем не брать процентов“.

Во второй половине XVIII в. ростовщики, как видно из приведенных примеров, брали минимум 12%, большею частью 18 — 24%, но нередко и более высокие проценты. Эксплуатация ростовщического капитала охватывала самые различные слои тогдашнего общества.

Таковы главнейшие способы накопления капитала в Грузии во второй половине XVIII в. Очевидно, в интересующую нас эпоху мы имеем некоторую, хотя и не особенно значительную в своих размерах, аккумуляцию капиталов в стране. Интересно проследит теперь, куда вкладывались получавшиеся накопления. Шли ли они в промышленность и сельское хозяйство?

VI

Промышленность существовала в виде мелкого раздробленного ремесла, сконцентрированного в городах. В Тифлисе работали свечники, мыловары, кузнецы, портные, шапочники, золотых дел мастера, ткачи, кожевники, мясники, мастера азиатской обуви; существовали маслобойный и кирпичный „заводы“, красильни; в Тифлисе же чеканили монету, отливали пушки, существовала типография. Ремесленники имели профессиональные организации, напоминавшие западно-европейские средневековые цехи и называвшиеся „амкарами“. Имеются сведения о ремесленном производстве и в других городах, напр., в Гори, Телаве, Цхинвали, Душете. Гюльденштедт упоминает о мастерах в Цедиси (Рача), где изготовлялись некоторые железные изделия. В Хони через Они привозились из Каргалини изготовлявшиеся там шерстяные ткани. Техника производства, повидимому, была примитивная.

В Тифлисе „мастерства из золота и серебра плохи и без искусства, не умеют они (мастера) смешивать оное с другими металлами, медное изрядно, оловянного нет, остальное посредственно, железные вещи делаются с оловом, есть малые ручные фабрики, шелковые и бумажные, последних очень много“¹. Вот отзыв Бурнашова о промышленности Тифлиса в 80 годах XVIII в. Касаясь торговли, которую вела Грузия с соседними странами и перечисляя предметы, которые вывозились из Тифлиса, Бурнашов делает такую оговорку: „Почти все кавказские народы и все соседи пользуются от трудолюбия тифлисских армян“. Получается впечатление, что тифлисские ремесленники снабжали своими произведениями весь Кавказ, и что здесь производство предметов ремесленного труда развито было в широком масштабе. Но такой вывод был бы неправильным, как об этом можно судить из сообщений более внимательного и несомненно более осторожного наблюдателя акад. Гюльденштедта, который пишет: „Цепи для котлов привозят имеретинь в Тифлис из турецкого города Поты. Медные котлы и обыкновенно употребляемые медные блюда и тарелки привозят также из Турции, несмотря на то, что Грузия имеет собственные медные руды, и особливо из Эрцерума; глиняную посуду всякий делает для себя сам“². В другом месте Гюльденштедт говорит: „В Тифлисе и в немногих других местах находятся несколько небольших, худых и во всяком отношении маловажных фабрик; даже самые обыкновенные рукоделия производятся весьма несовершенно и недостаточно. Царь имеет также некоторое горное производство с правильными заводами для железа, меди, свинца и серебра, но оно столь недостаточно, что не заслуживает описания, хотя сей промысел, при надлежащих мерах, много обещает успеха и прибыли“³. Ясно, что когда Бурнашов утверждает, что все кавказские народы и все соседи Грузии пользуются от трудолюбия тифлисских армян, он переоценивает со-

¹ Бурнашов. Картина Грузии, стр. 2.

² „Описание Грузии и Кавказа“, стр. 191.

³ Там же, стр. 292.

стояние и значение обрабатывающей промышленности Тифлиса. В этом мы убеждаемся не только из выше приведенных отзывов Гюльденштедта, но и на основании грузинских печатных источников и неизданных документов.

Нужно иметь в виду, что характерной чертой для тифлисской обрабатывающей промышленности того времени являлось мелкое производство. Число рабочих рук ремесленных мастерских не превышало одной — двух, в лучшем случае трех. Такова была общая картина. Некоторым исключением являлись монетный двор, кирпичный и пушечный „заводы“ и, быть может, два или три каких-либо других производства. Но одно несомненно, что ремесленная промышленность Тифлиса была отделена от других отраслей хозяйства и значительная масса ремесленников занималась специально только промышленной деятельностью.

Иную картину в этом отношении представляла деревня. Здесь ремесленники, за самыми редкими исключениями, были и земледельцами. Понятия ремесленник и крестьянин — не исключали друг друга; общественного разделения труда и дифференциации сельского населения по профессиям, за самыми, быть может, редкими исключениями, тогда в грузинской деревне не существовало. Крепостные крестьяне удовлетворяли почти все свои потребности произведениями своего же труда. Крепостные же крестьяне, знавшие ремесла, снабжали своими произведениями своих господ — крепостников.

Ограниченность рынков сбыта для предметов обрабатывающей промышленности не побуждала лиц, обладавших капиталами, к помещению их в промышленное производство. Инструменты, орудия труда были примитивны; разделение труда внутри производства было или совершенно неизвестно, или, в лучшем случае, находилось в зачаточном состоянии; производительность труда стояла на низком уровне. Городская промышленность Грузии в XVIII в. замыкалась в рамки мелкого раздробленного ремесленного производства.

Переходя к характеристике сельского хозяйства, следует сказать, что все наши исследователи, касавшиеся экономического положения Грузии второй половины XVIII в., этому вопросу уделяли особое внимание. Так, проф. Г. Я. Натадзе, в сборнике: „История классовой борьбы в Закавказьи“, характеризуя сельское хозяйство Грузии, придает Тифлису, по нашему мнению, преувеличенное значение. Значительная часть продуктов сельского хозяйства Грузии, по словам Г. Я. Натадзе, предназначалась для тифлисского рынка и поглощалась тифлиским населением; помещики под воздействием этого рынка, начали рационализировать свое хозяйство: они округляли имения, вкладывали капиталы в хозяйство; происходил, таким образом, процесс обуржуазивания феодального дворянства и начиналось нечто в роде развития аграрного капитализма.

Так ли было в самом деле? Обратимся прежде всего к свидетельству иностранцев-путешественников, современников-очевидцев. Вот что пишет, напр., академик Гюльденштедт: „Обыкновеннейшие промыслы во всей Грузии суть: сельское возделывание виноградников, насаждение овощей, хлопчатой бумаги, земледелие и небольшое скотоводство, в весьма многих местах также и несколько шелководства. Все сии промыслы производятся только малою частью, с малою деятельностью и для того только, что к тому побуждают собственные потребности и подати“¹.

„Скотоводство во всей Грузии по причине всегдашних набегов от лезгин невелико, конские заводы малы и не стоят примечания. Хлеба достаточно, особенно в Казахах и Шамшадилах; пшена сорочинского изобильно; также проса, ячменя и кукурузы; хлопчатой бумаги достаточно; льна немного, шелку весьма много, только посредственной доброты“—пишет полковник Бурнашов².

„Хлеб в Имеретии по большей части сеют, по их названию гоми, также сеют ячмень и пшеницу, только мало, а

¹ „Описание Грузии и Кавказа“, стр. 262.

² Бурнашов в „Картина Грузии“, стр. 1-2.

пшеничный хлеб одни князья и то не всякий день едят; много родится хлопчатой бумаги и плодов в лесу растет довольно (Языков)¹. Это об основных отраслях сельского хозяйства.

Господствующим типом в сельском хозяйстве было мелкое раздробленное крестьянское производство, покоящееся на примитивной технике.

При крепостном хозяйстве, которое существовало тогда в Грузии, все продукты производились руками крепостных крестьян. По словам Гюльденштедта, производились они в малом количестве и предназначались не для рынка, а для удовлетворения потребностей самих производителей и для уплаты оброка помещикам. Здесь Гюльденштедт отметил основную, существенную сторону сельского хозяйства Грузии, но, все же, кое-что он недосказал. Нельзя, конечно, утверждать, что продукты сельского хозяйства производились в Грузии в том только количестве, в каком это было необходимо для удовлетворения потребностей крестьянского населения и „господ“ — помещиков. Несомненно, были и излишки хлеба, вина, скота, хлопчатой бумаги, шелка и т. д. Эти излишки бывали как у отдельных помещиков, так, вероятно, и у крестьян. Они, естественно, шли на рынок и ими в первую очередь снабжалось население Тифлиса. Можно сказать больше: часть этих излишков продуктов (вина, шелка и пр.), вывозилась даже за пределы Грузии. Но все это не имело решающего значения и в чрезвычайно слабой степени затрагивало основы натурального хозяйства. Далее акад. Гюльденштедт говорит: „Все сии промыслы производятся только малой частью, с малой деятельностью“. Следовательно, крестьяне Грузии не только мало производили, но и мало работали. Этот взгляд, конечно, не лишен известного основания, крепостные крестьяне, которых немилосердно обирали помещики, ясное дело, не были заинтересованы в затрате излишнего труда.

Для точности Гюльденштедту следовало бы здесь употребить вместо выражения „мало работали“ — „плохо работали“.

¹ Цагарели „Грамоты“, т. I, стр. 183—196.

О производительности крепостного труда в Грузии мы имеем свидетельство современника Райнегса, который писал: „От негодности государственного строя народ не входит в благополучие, и отсутствие твердых законов делает одного рабом другого. Большинство грузин нарочно ленится. И правда, если бы там человек много работал, то все же его жадный господин лишил бы его плодов, добытых его трудом, и он остался бы таким же бедным, каким является теперь“¹. Языков, как мы уже имели случай приводить его слова, писал: „В Карталинии редкий мужик имел сто копеек, а когда у мужика несколько покажется денег, то ежели успеет князь его отнять, то царь отнимет. А хлеба оставляют мужику столько, чтобы ему до нового стало. Они как нарочно равняют, чтобы все были бедны и в самом деле чрезвычайна бедность поселян“. Гюльденштедт сообщает: „Простой народ, без исключения нации и веры, — крестьянского рабского состояния; мещанского чина вовсе нет. Он не имеет собственности, должен давать и делать то, что угодно господину, который может его заложить, продать, подарить другому, словом — поступить с ним по произволению“². То же самое свидетельствуют и грузинские источники.

В 1785 году Арджеван Пицхелаури грабит и разоряет своих крепостных. Один из них — Мчедлишвили — жалуется на Арджевана царевичу Георгию. Георгий предлагает Арджевану умеренно эксплуатировать крестьян. Затем царевич объясняет ему, что, если он чрезвычайными поборами и угнетением доведет крестьян до полного разорения, то в будущем с них ему нечего будет брать³.

У узбаиша Госташабисшвили крестьяне разбежались, его крепостной Акоп говорит, что он обнищал, не мог вынести гнета господина⁴. Херхеулидзе Автандил нуждается и продает Амилахаришвили Димитрию своего наследственного

¹ საქართველოს პოლიტიკური და ეკონომიური აღმობარება; იური. „ივერია“ № 4, 1879 წ.

² А. Гюльденштедт. Описание Грузии и Кавказа, стр. 276.

³ „Груз древн.“ № 416.

⁴ „Груз. древн.“ № 171, 172.

крепостного крестьянина Чамоварднишвили Какиту и его сыновей Бежана и Тандилу¹.

Георгий Цриолидзе подает прошение царице Дарье, в котором говорится: „Встретил нас Кайхосро Авалишвили льствыми и сладкими словами, обманул, повернул назад и поселил в Салгери, отсюда он переселил нас в Прети. Здесь он начал притеснять нас до невозможности. Мы два раза жаловались вам, вы дали приказания, но они не помогли нам, напротив, мы чуть, не перерезали друг друга. Авалишвили выхватил шашку и зарезал двух быков наших, которые кормили 16 душ... Просим не доводить нас до необходимости бежать в страну неверных. Защитите нас. Весь урожай там еще в поле, у нас была пара быков, всю весну и лето они работали у Авалишвили, то под плугом, то на гумне, а потом он зарезал их“².

О положении крепостного населения в Грузии мы имеем также целый ряд исследований³.

Таким образом, крепостной труд подвергался беспощадной эксплуатации со стороны помещиков. Крепостных крестьян продавали, закладывали, дарили другим, грабили и т. д.

Ясно, что у находившегося в таком положении крестьянского населения не могло быть достаточных стимулов к труду. Но, где крепостные добровольно не проявляли такого желания, тамих заставляли работать по принуждению. Крестьянин Саак замечает: „Осман начал ругать и насильно заставил нас пахать для него“. Вопреки принудительным мерам сельское хозяйство Грузии, в описываемый период все же не было обеспечено достаточным количеством рабочих рук. А это обстоятельство оказывало, несомненно, большое влияние на состояние сельскохозяйственного производства.

Опустошительные нашествия, которым подвергалась Грузия со стороны своих соседей, имели своим последствием громадную убыль и ее сельского населения. „Грузин больше

¹ „Груз. древн.“, № 460.

² Пурцеладзе, Кр. гр. стр. 30—31.

³ См. С. Какабадзе, Сборник „Ист. клас. борьбы в Закавказьи“, а также исслед. Г. Георгадзе, Хаханашвили и др.

половины в полон лезгинами побрано“ — пишет Языков. В этих условиях помещики вынуждены были не только покупать крестьян, но и выкупать их из плена¹.

К выкупу пленных нередко прибегало и само правительство. В 1789 году был создан даже особый фонд для выкупа „грузин, лезгинами плененных и проданных в Дагестан и Персию“². Делалось это далеко не из чувства человеколюбия, а с целью обеспечения крепостного хозяйства крепостным трудом. Та же цель преследовалась князьями и дворянами Грузии при переманивании друг у друга крестьян. Последнее было очень распространенным явлением, как об этом можно судить на основании сохранившихся документов. Вот несколько примеров. Госташабисшвили Датуа в прошении, поданном царице Дарье пишет, что все крестьяне князей и дворян Сомхит-Сабаратиано рассеяны по Карталинии и Кахетии, и сам он лишился своих крестьян, причем одного из них присвоил Елиозишвили Ниния. Госташабисшвили просит царицу вернуть ему крестьянина³. Никозский епископ присваивает крепостного крестьянина муррава Цицишвили, на что последний жалуется Ираклию II⁴. Рочикашвили жалуется в суд, что Башалури похитил его крепостную крестьянку⁵. Во всех этих фактах, как и в имевших нередко место случаях покупки крепостных крестьян одним помещиком у другого, выкупа пленных крепостных, ясно видно стремление князей и дворян обеспечить свои имения необходимым количеством крепостных рабочих рук. Но мы совершенно не можем отметить в описываемый период каких-либо случаев замены помещиками крепостного труда свободным. Очевидно, состояние сельского хозяйства в Грузии во второй половине XVIII в. еще не было на той ступени развития, когда возникает потребность и становится более выгодным применение в сельском хозяйстве

¹ Пурцеладзе. Кр. гр. стр. 3, 7; „Грузин древности“ III, № 380; I, № 148 и др.

² Бутиков. Материалы для новой истории Кавказа, II, стр. 197—198.

³ Граз. древн. I, № 164.

⁴ Груз. древн. III, № 11.

⁵ Груз. древн. II, № 425.

наемного труда и переход этого хозяйства на капиталистические рельсы. С этой точки зрения мы не можем согласиться с утверждением проф. Натадзе, что в это время в Грузии „были уже поиски свободных рабочих рук, и на почве требования на них происходили случаи освобождения крепостных крестьян“ и, что указанное явление проистекало отчасти „вследствие рационализации сельского хозяйства и влияния рынка на его устройство“. Не о раскрепощении крестьян, а, наоборот, об их закрепощении думали в это время грузинские помещики.

Возьмем для примера цаицу Дарью. Владея большими свободными незаселенными имениями, она в последней четверти XVIII в. собирала крестьян, заселяла ими свои имения и закрепощала их. Так, она поселила и закрепостила в своем имении на Авлабаре 94 дыма, в Велис-Цихе—99 д., в Колагири—65 д., в Куки—30 д., в Кошаклиси—12 д., в Санавардо—10 д., в Кучатани—6 д., в Малакишлаки—6 д.— всего 322 дыма. Мы видим закрепощение крестьян, но мы не видим ни единого случая замены крепостного труда наемным. А хозяйство царицы Дарьи в значительной своей части (Авлабар, Куки и др.) находилось вблизи Тифлиса—самого крупного рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов, причем имеются некоторые основания считать это хозяйство наиболее прочно организованным. Точно также мдивани Иесей закупал пустопорожние имения (ბაზბა), но не применял там наемного труда, а покупал и поселял там крестьян, закрепощая их. В своих мемуарах он жаловался: „Покупаю крепостных крестьян с большим трудом. Из десяти купленных у меня остаются не больше двух, остальные бегут то в Имеретию, то в Кахетию, то куда-нибудь“¹.

В другом месте он замечает: „Стояли мы в Шарури, там я получил письмо от Иоана. Он писал, что лезгины напали, Агвсиашвили Глаху и Матвея и Варсимашвили Патаркаци в плен забрали, взяли плуг и увели буйволов. Кто думает о корове? Я беспокоюсь о том, что потерял столько человек“².

¹ თავგადსახელი იესე მდინეშილი; გვ. 127.

² Там же, стр. 77.

Существовавшие в то время в Грузии рынки сбыта сельскохозяйственных продуктов и в первую очередь рынок города Тифлиса не могли в достаточной мере стимулировать переход от крепостного к вольнонаемному труду.

Во второй половине XVIII в. в Тифлисе, вместе с его пригородами и Авлабаром, насчитывалось 3498—4000 дымов, а общее число жителей не превышало 17500—20000 душ. Сюда, конечно, входила также проживавшая в Тифлисе часть феодального служилого дворянства с ее дворней. Владея большими имениями и крепостными в различных районах Грузии, эта часть населения Тифлиса не нуждалась в покупке на рынке хлеба, вина и других произведений сельского хозяйства. Наоборот, получая все это из собственных имений в виде оброка, дворянство полностью обеспечивало ми себя и свою многочисленную дворню. Далее, в Тифлисе в то время насчитывалось не более 500 ремесленных мастерских и торговых лавок; следовательно, из тифлисского населения, исчисленного, как сказано выше, в 3500—4000 дымов, к торговцам и ремесленникам относилось не более 25%. Но если феодальное дворянство, проживавшее в Тифлисе, получало сельскохозяйственные продукты из своих имений, то купцы и ремесленники должны были приобретать эти продукты в обмен на свои товары и изделия. Какие же источники существования были у остальной части населения? На этот вопрос мы находим ответ, как в описаниях иностранцев, так и в грузинских источниках. Согласно тем и другим, вокруг Тифлиса было много виноградных и фруктовых садов. Языков пишет: „В Тифлисе за городом садов плодовых очень много, в оных растут: виноград, миндаль, фиги, гранаты, персики, чернослив, яблоки, груши и много других персидских плодов, кои нам незнакомы“¹.

Кроме того, тифлисские жители занимались также хлебопашеством и для потребления имели в большинстве свой, а не покупной хлеб, как равно свои овощи, фрукты и вино. Емкость тифлисского рынка для сбыта сюда продуктов сельского хозяйства была незначительной. Хлеб и другие про-

¹ Цагарели, Грамоты, т. 1, стр. 188.

дукты покупало не более 50% тифлисского населения. Его всецело могли удовлетворять и при господстве крепостного труда такие хлеботорные районы как Карталиния, Борчалло, Казах и Шамшадил.

Поэтому тифлиссский рынок не мог иметь революционизирующего значения для хозяйственной жизни того времени.

Из агрономических мероприятий, проводимых в то время для поднятия сельско-хозяйственного производства, с достаточной уверенностью можно говорить только об устройстве искусственного орошения. Ни об удобрении полей, ни о правильном севообороте, ни о борьбе с вредителями, сохранившиеся до нас источники не упоминают. О проведении искусственного орошения, как меры борьбы с засухой, мы имеем много данных. Например, орошались тифлиссские виноградные и фруктовые сады, в Байдари (Борчалло) проводится канал. Из-за пользования водой возникают споры между соседними селениями, и царь вмешивается в дело распределения воды. Языков пишет: „Кахетия и Карталиния, хотя и сами по себе хлеботорные земли, однако, весьма способствуют к тому воды, которые из гор небольшими каналами на пашни проведены, через что всякий поселянин свою пашню в безводную водой напоят“¹.

Чтобы покончить с характеристикой состояния земледелия в описываемый период, нам остается сказать еще несколько слов о вложении капиталов в сельское хозяйство того времени о том, насколько это вложение оправдывалось. Ответ на этот вопрос мы находим в ряде сохранившихся до нас документов. Так, из упоминавшегося уже описания хозяйства царицы Дарья, можно заключить, что за последние 26 лет XVIII в. Дарья вложила в свои имения на разные сооружения около 63500 рублей². Это для того времени, конечно, весьма крупная сумма. Но на что она была израсходована? Оказывается, 50000 руб. из этой суммы были потрачены на сооружение Калагирской крепости, свыше

¹ Цагарели. Стр. 191.

² Груз. древности III, док., № 311.

10000 руб. на постройку церкви и дворца на Авлабаре и только 3500 руб. были вложены в хозяйство ¹.

Таким образом, из израсходованной суммы 78% пошли на военные цели, 16% на религиозные и дворцовые надобности, а на долю хозяйства, в том смысле, в каком нас оно интересует, выпало только 6%. А проф. Г. Я. Натадзе всю указанную выше сумму (63500 р.) считает потраченной исключительно на хозяйство, с чем, конечно, согласиться нельзя. Ясно, что заботы о поднятии и интенсификации сельского хозяйства стояли на самом последнем месте. При этом не следует забывать, что это имело место в самом крупном и более или менее организованном хозяйстве, каким являлись имения царицы Дарьи.

Последнее обстоятельство подтверждается, между прочим, и тем, что мотивом, побуждавшим владелицу имений делать столь скромные вложения в сельское хозяйство, было производство предметов для собственного потребления и для содержания своей свиты и немалочисленной дворни. Из сохранившихся до нас документов мы узнаем, что на содержание царицы Дарьи и ее двора расходовалось продуктов ежедневно на 50 р., т. е. не менее 18250 р. в год. Помимо того, на одежду расходовалось 500 руб., на жалование придворного штата 3960 р., а всего расходов в год 22710 р. От всего имения, которое осталось у Дарьи к 1802 году, она получала дохода „деньгами“ и „вещами“ всего на сумму 4525 р. Дарья жалуется, что за исключением этой суммы ей недостает на расходы еще 18085 р. Все это говорит о том что имение царицы не преследовало задач рыночного производства.

Для иллюстрации приведем еще пример — хозяйство другого крупного землевладельца того времени мдивани Иесея. Последний в своих мамуарах отмечает: „Хлеба я не продавал, если бы даже его набралось у меня тысяча код“ ². Да-

¹ Там же.

² „დილით შუადღემდის სამართალში ვიჯდი, მერე მცირედი საზრდელი მივიღი და განაჩენებს ვსწვრდი მწუხრამდე და ამით ვარჩენდი (ეუბნება იესე შვილებს) ჩასაკმელ-დასაზურავს, სასმელ-სასმელს. ჩემგან პური არ ჩაისყიდებოდა, თუნდათასი კოდი მომსვლოდა. მოყვარეს, მტერს, ბატონს, ყმას ამით უძღვებოდი (თავგადასავალი იესე ოსესშვილისა; გვ. 126).

лее пишет: „Мы грузины, хлеба должно нам хватить для питания и одежды, вина—для одежды и питья, барана и свинью должны резать... и так существовать... Жизнь грузина была и будет такова“¹.

Приведенные слова Иесея, владевшего больше, чем десятью деревнями, дают все основания думать, что продукты его хозяйства, как и других помещиков, предназначались, главным образом, для удовлетворения потребностей многочисленной дворни, для устройства пиршеств и т. п.

В происходившей в то время концентрации земельных владений, в скупке их одними помещиками у других также нельзя видеть стремления к увеличению владений с целью рационализации хозяйства. Тот же мдивани Иесей говорит: „Тагнагети и монастырь держал Абдула-бег, у меня деньги заняли и выкупили (сказано про Сологашвили Манучара и Иорама). Пока имение давало кое-какой доход, сами пользовались и кушали, когда же оно совсем опустилось и превратилось в пусто-порожное место (გახარაბავდა), его продали мне“². Купля-продажа имений была распространена в Грузии еще XVI—XVII ст. Явление это имело место и в XVIII в. Во второй половине XVIII века мдивани Иесей купил не менее десяти деревень; покупкой земельных участков были заняты также моурав Арджеван Пицхалаури и другие лица.

Не менее могучим средством было и ростовщичество, которое способствовало концентрации земельных владений и мобилизации рабочих рук, путем обращения свободных лиц в крепостных крестьян. Джавахишвили Ерастий, задолжавший казначею католикоса, продал ему своих крепостных крестьян и имение³. Ревишвили занял 140 р. у Орбели и,

¹ „ქართველები ვართ, პური საკმელად და სამოსლად უნდა ვიმყოფინოთ, ღვინო სამოსლად და სასმელად, ცხვარი, ღორი საკლავად, ძროხა სახნავად და ასე უნდა დავრჩეთ... ქართველის კაცის რჩომა ასე ყოფილა და ასე იქნება.“ (თავგადასავალი იესე ოსესშვილისა; გვ. 129).

² თავგადასავალი იესე ოსესშვილისა; გვ. 105.

³ „ესე ნასყიდობის პირა და სიგელი დავიწერეთ და მოგვცით... ჩვენ, ჯავახის-შვილმა ფარემუხისშვილმა ერასტიმ... ასე რომე შენი დიად ბეგრი ვალი გვემართა და ჩვენ ამთონის თეთრის მოცემა ეგრ შევიძელით და მოგყიდეთ ჩვენი სამკვიდრო ყმა

не имея денег для возврата долга, продал ему заложенное имение и крестьян¹. Пейкришвили Пана продал себя и свое потомство заимодавцу Картвелишвили Симеону². Имѣртин Паата Хелидзе, проживающий в Тифлисе, кому то задолжал. По просьбе самого Хелидзе, мдивани Иесей выплачивает его долг, а самого Хелидзе он берет себе в качестве крепостного крестьянина³.

Во всех этих случаях в основе купли-продажи имений и крепостных крестьян лежали цели чисто феодального порядка.

„Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их поданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство“, говорит Маркс⁴.

И мдивани Иесей оправдывает совершаемую им покупку крестьян и имений следующими соображениями: „Я хочу, чтобы мои сыновья владели крепостными крестьянами, чтобы они имели достаточный доход на пропитание и среди своих товарищей пользовались соответствующим почетом и уважением. Какой доход может быть у человека, не имеющего крепостных крестьян“⁵. Весьма характерно также следующее

ყარაღჯსა კილაკეტურაშვილი ხოსია თავისის შვილით, ბერუა და მომავალნი სახლისა მისისანი, დღეს რისაც მქონებელნი არიან და დღეს წალმაც, სახნავითა, სათესითა, ვენახითა, წყლითა, წისქვილითა, მთითა, ბარითა, მარნითა, სახლითა, კარითა, კალო-საბძლითა, თავისის შესავალ-გასავლითა, მისადგომ-მოსადგომითა, ყოვლის სამართლიანის გზისათა, კიდევ ამაზედ აძეს გრაკალის თავს ჩემი სახასო-ხოდაბუნნი თორმეტის დღისა საზომითა, კიდევ შარას შუა ჩემი წილი მესამედნი იმ ხოდაბუნისა, კიდევ ქაფქიაურში ერთის დღის მიწა, ეყებო ყუელა მოგვიყიდა თქვენ კათალიკოზის მოლარეთხუცის პაპუნას დოქაძისათვის, შვილსა შენსა დავითს და მომავალსა თქუენისათა“ (საქართ. სიძე. II, საბ. № 271).

¹ საქართ. სიძე. II, საბ. № 285.

² იქვე, III, საბ. № 244

³ თავგადასავალი იესე ოსესშვილისა; გვ. 120.

⁴ „Капитал“, т. I. Изд. 1924 г., стр. 710.

⁵ „მე ვი მინდა, ჩემს შვილებს ყმა ჰყვანდესთ, რომ თავის ამხანაგებთანაც კარგათ გამოვიდნენ და სარჩოსაც მოურეწოდნენ. უყმოს კაცს რა სარჩო ექნება და რომელი უმჯობესია“ (თავგადასავალი იესე ოსესშვილისა; გვ. 128).

ობრახეი მანუჩარე სოლოგაშვილი კი მდივანი იესეო. „До каких пор это имяние будет оставаться в таком необработанном, заброшенном виде; или кто может дожить до того момента, когда там будет заведено хозяйство. Ты покупаешь эту пустошь для того, чтобы сыновьям своим оставить, так как знаешь, что при твоей жизни там хозяйство заведено не будет. Дай бог чтобы ты дожил, а я думаю, что не доживу“¹. И так, состоятельные люди приобретали в то время имения, но мало занимались хозяйством и его интенсификацией.

Нужно иметь в виду, что помещение денежных средств и капиталов в сельское хозяйство того времени не было делом выгодным. Деньги охотнее вкладывались в ростовщические операции, жестоко эксплуатировавшие непосредственных производителей и истощавшие производство. Ростовщичество обеспечивало капиталу более высокий процент прибыли, чем вложение его в промышленность и сельское хозяйство. Царица Дарья в Земо-Ходашени (Кахетия) потратила на устройство виноградника 1400 р., а получала доходу в год 13 сапален вина, стоимостью 140 руб. (10% затраченного капитала). В Цхинвали она же тратит на устройство виноградника 800 р. и получает доходу в год 9 сапален вина, стоимостью 97 р.²

Из этого дохода надо исключить содержание чиновника, которому было поручено смотреть за имением и другие расходы во время уборки урожая и пр. В результате чистый доход от хозяйства не мог превышать 8—10% на затраченный капитал. Между тем, как мы уже видели, ростовщичество давало в среднем не менее 18—24%.

Такова была картина хозяйственно-экономического положения Грузии во второй половине XVIII в. В ней мы не находим ни вытеснения натуральных форм хозяйства товарно-денежными, ни сколько-нибудь заметного роста по-

¹ რამდენმა წელიწადმა უნდა გაიაროს, რომ ის ხარაბა გვდოსო და ვინღა მოესწრება იმის შენობასაო, შენც ამისთვის სყიდულობ, შეიღებს დარჩესო, თორემ შენც იცი, შენს სიცოცხლესი იმათი შენობა არ იქნებაო. ღმერთმან შენ კი ზაცოცხლოს, ეგების მოესწრა, მაგრამ მე კი არა მგონია მოვესწრაო“ (თავგადადასავალი იესე ოსესევილისა; გვ. 54).

² Грузинск. древн., III, № 311.

следних, т. е. того, что в то время произошло не только в Западной Европе, но и в России, и что послужило в этих странах экономической основой оформления и укрепления сильной центральной власти.

VIII.

В странах западной Европы и в России, когда происходила смена старых форм хозяйства новыми, натурального хозяйства денежным, переворот в политическом строе явился делом торговой буржуазии и дворянства приспособившегося к новым хозяйственным отношениям. Грузия во второй половине XVIII в. не знала подобной перемены ни в области экономики и ни в виде образования новых социальных сил. В документах этого периода мы не видели ни случаев перевода крепостных крестьян на денежный оброк, ни организации барщины в крупных размерах. Не было в то время в Грузии и феодалов, ведущих крупное организованное хозяйство. Могущество феодалов определялось исключительно размерами земельной собственности, количеством плативших им оброк крепостных крестьян и числом зависимых от них дворянских фамилий.

В 1788 году в Восточной Грузии насчитывалось 317 мелких дворянских фамилий. Из этого числа 34 (свыше 10%) принадлежали князьям Цицишвили, 28 (9%)—князьям Орбелиани, 18 (5,6%)—Эристави, 12 (около 4%)—князьям Амилахвари и т. д. Всего у князей Восточной Грузии находилось 186 дворянских фамилий (свыше 58%); тринадцатью владели каталикос и сто восемнадцатью (36,8%) царский дом¹. Таким образом, больше одной трети мелких дворянских фамилий приходилось на долю царского дома. Около 1730 г. князья Орбелишвили (Орбелиани) были подчинены 1538 дымов дворян и крестьян². В царствование Георгия XII (1798—1800 г.) Константин Багратион—Мухранский владел

¹ Акты Кав. Арх. Ком., т. VI, часть I, стр. 118.

² Истор. клас. борьбы в Закав., стр. 164, ст. С. Какабадзе.

1200 дымами дворян и крестьян¹. В 1801 году количество крепостных царского дома достигало до 4883 дыма с 28408 душ².

Таким образом, царь был, прежде всего, самым крупным земельным собственником в государстве; но если он превосходил в этом отношении каждого в отдельности из крупных феодалов, то значительно уступал всем им, взятым вместе. С другой стороны, земельная собственность небольшого числа крупных князей-феодалов значительно превышала размеры земельной собственности всех средних и мелких князей и дворян-помещиков. Этим в первую очередь определялось соотношение социальных сил и гегемония в управлении страной. Решающим фактором являлось здесь крупное землевладение, причем отсутствие тесной экономической связи между отдельными районами Грузии и преобладание хозяйственной замкнутости отдельных частей страны не создавали благоприятных условий для усиления центральной власти.

Каждый крупный феодал в своем владении имел свой суд свою администрацию и даже свою военную силу. Высшим должностным лицом в имении феодала был его моурав. Он управлял имением, разбирал судебные дела. Решение моурава проводилось в исполнение нацвалом. Представители царской власти почти не вмешивались во внутренние дела князя. Не в меньшей степени была обеспечена самостоятельность, и высшего духовенства. „Не только не могу отнять, но не имею права даже дотронуться до церковных земель“, писал Ираклий II в 1789 г.³ „Бороться против церкви я не в состоянии“, заявлял царь Георгий XII⁴. „Если священнику разобьют голову или поколотят его, то дело разбирает царь... Если же священник сам поколотит кого-нибудь или разобьет голову кому-нибудь, судить должен бодбели (бодбийский митрополит); ни царь, ни его моурав не должны вме-

¹ ს. კეკელიძე. ახალი საუკუნეების ეპოქა; გვ. 276.

² Сборник материалов для опис. Тифлис. губ., под редак. Зиссермана, т. 1, вып. 1, стр. 14-15.

³ პ. გიორგაძე. ფეოდალური ურთიერთობა საქართველოში; გვ. 50.

⁴ Церковные гуджары, стр. 85, 89.

шиваться (в дела церкви)¹. „После бога нашим единственным господином являешься ты“ — писали крестьяне в одном официальном обращении к кн. Корганашвили². Из приведенных документов можно установить, что даже в конце XVIII в. владение крупного феодала было не только самостоятельной экономической единицей, но и политически мало зависимой от верховного сюзерена. Случаи вмешательства царя и его администрации во внутренние дела сильного феодала были редкими явлениями. Княжеское владение было государством в миниатюре.

Вместе с тем крупнейшие родовитые фамилии играли большую роль в делах государственного порядка. Вопросы, касавшиеся всей страны, решались царем при их активном участии. В 1774 г. напр., вопрос об учреждении „очередного войска“³ рассматривается на собрании с участием царевича Георгия, епископов, князей, царских чиновников и всех знатных фамилий, под председательством самого царя⁴.

В 1791 году Ираклий пишет Давиду Цицишвили: „Нужно

¹ Грузинск. древн. III док. № 160.

² Д. Пурцеладзе. Крестьян. грамоты, стр. 7-8.

³ „Очередное войско“ было учреждено в Восточной Грузии в 1774 г. Все мужское население страны, способное носить оружие, было разделено на 12 частей, соответственно числу месяцев года; каждая часть призывалась на один месяц по очереди и поступала на военную службу. Служить обязаны были и князья, и дворяне, и крестьяне. В начале это войско сыграло известную роль в деле защиты страны от нашествия лезгинских отрядов. Просуществовало оно всего лишь несколько лет.

⁴ „1774, იანვრის 4. ქ. ღთით ეს მთრიგობის ლაშქრობის განაჩენი დაიწერა ჩვენ მეორე ერეკლე მეფისაგან, თან დასწრებითა ძისა ჩვევისა უფლის წულის გიორგისათა და ყოვლად სამღვდელთა საქართველთა ეპისკოპოსთა და ბრწყინვალეთა თავადთა და ეკრეთვე ყოველთა კარისა ჩვენისა მოხელეთაგან და შემდგომთა დარბაზის ერთა, და ყოველთა სამღვდელთა დასთავან, და ეგრეთვე ყოველთა ჩინებუთაგან; რადგანაც საქართველოს ქვეყანა ლეკთაგან ამდენს ხანს ამისთანას მოუსვენებელს მტერობით შეიწრდა, და მოუთმენელს ჭირს მიეცა, ჩვენც მრავალ გზის ბევრ რიგის გარჯილობით ვეცადენით, მაგრამ არ იქნა, რომ ასეთი წამალი და საქმე გვემოვნა, რომ ჩვენის ქვეყნისათვის გვერგო რამე და ამხანად ღთით ყველასაგან უმჯობესად და უკეთესად ეს გამოვარჩიეთ და საერთოდ ყველამ ვამჯობანეთ, რომელიც ამათს ქვემოთ დაგვიწერია“ (საქ. სიგძე. ტ. I. წიგ. I, ს. 26., № 191).

решить вопросы, имеющие значение для всей стваны. Поэтому все князья и знатные должны явиться к нам на третий день преобразования и тебе то же самое пишем. Ты непременно должен приехать. Мы написали об этом и нашему сыну Юлону, так что и он к этому времени приедет“¹.

В конце первой четверти XVIII в. царь Вахтанг VI вопрос о выступлении Грузии совместно с русским царем Петром I в его походе проти Ирана решает при активном участии знатных.

На указанных совещаниях и царь, и феодалы обычно выступали согласованно, поскольку интересы их, как крупных земельных собственников, совершенно совпадали. В этом случае царь среди феодалов был самым крупным землевладельцем, у которого были десятки тысяч закрепощенных крестьянских душ. Помещик, обеспеченный службой и сильный повинованием ему своих крепостных, обеспечивал в свою очередь господство царю над его крепостными. Поэтому при столкновениях между помещиками и их крестьянами царь всегда выступал на защиту интересов господствующего класса, т. е. помещиков. В 1775 году Иракий II приказал кизикскому мураву Рев. Андроникашвили высечь не повиновавшихся крестьян портаидского монастыря, арестовать их, надеть кандалы, разорить, отнять у них скот и имущество, поступить с ними очень строго и привести их в полное послушание и покорность монастырю².

В 1776 году крестьяне отказались служить дворянину Зумбулидзе. Последний жаловался Иракийю по этому случаю. Царь писал: „Приказываем крестьянам Георгия Зумбулидзе, которых мы ему пожаловали, служить и повиноваться ему на положении помещичьих крестьян и ни по какому случаю не доводить его до жалобы“³.

Феодалы, во главе с царем, общими силами защищали неприкосновенность господства своего класса над крестьянством.

¹ Грузин. древн., III док. № 14.

² Д. Пурцеладзе. Крестьянск. грамоты стр. 27.

³ Там-же, стр. 27-28.

Но, с другой стороны, все крупные феодалы (Орбелиани, Багратион—Мухранские, Цицишвили, Эристави и др.), принимавшие деятельное участие в решении общегосударственных вопросов, являлись не только крупными обладателями земельной собственности и крепостных крестьян, но в то же самое время были и представителями военной силы страны. Один царь был бессилен в защите страны, если его не поддерживали сильнейшие феодалы. „Не столковавшись с генеральным штабом феодального войска“, царь не мог принять ни одного решительного шага. Власть царя была, таким образом, ограничена могуществом крупнейших землевладельцев. Здесь уже интересы феодалов сосредоточивались не по линии усиления центральной (царской) власти, а наоборот—защиты своих прав и привилегий.

История Грузии XVI—XVIII вв. всецело подтверждает сказанное. В этот период идет постоянная борьба между царской властью и феодалами, отстаивающими свою самостоятельность и стремящимися расширить свои владения и права. В Западной Грузии это выразилось в борьбе Дадрианов, Гуриелов и прочих владетелей против власти имеретинских царей, а в Восточной Грузии—ксанских и арагвских эриставов и других крупнейших феодалов против царей карталинских и кахетинских.

С сороковых годов XVIII столетия Теймураз II и Ираклий ведут активную политику против непокорных вассалов. В 1743 г. с помощью Ирана Теймураз II захватил Арагвское эриставство. В 1777 году Ираклий раз навсегда завладевает Ксанским эриставством и обращает его в своей домен. Царь пишет административным лицам и всем жителям Ксанского эриставства: „Осетины и грузины! Ксанское и лиахвское ущелье мы обратили в свою собственность. Никто другой до вас дела не имеет. Следующую Ростому Эриставу долю его отца мы предоставим ему с Гвердис—Дзири и в Карталинии, а если мы захотим дать ему другое имение, такое будет дано в другом месте“¹.

¹ Груз. Древн., II док № 412; статья С. Какабдзе в сборнике „История классово-вой борьбы в Закавказьи“, стр. 187.

Упразднением сильнейших феодальных владений и присоединением их к своему домену царь стремился сломить могущество непокорных вассалов и упрочить над ними свою власть. Но царь сумел справиться только с двумя или тремя феодалами; поколебать силу и значение остальных ему не удалось. Ираклий в борьбе с крупнейшими феодалами не находил надежной опоры ни в лице обуржуазившегося нового дворянства, ни в лице развитого торгового капитала и городской буржуазии. Господствовавшие еще формы натурального хозяйства не давали возможности для организации и содержания постоянной армии.

В положении об „очередном войске“ §§ 2, 3 и 4, посвященные исключительно вопросу о снабжении, ясно говорят об отсутствии у грузинского царя средств для организации постоянного войска. Поэтому отбывающие месячную военную службу должны были сами обеспечить себя хлебом и вином¹.

К военной службе привлекались как князья и дворяне, так и крестьяне. Не освобождалось от призыва и купечество, но оно имело право замены непосредственного участия в войсках путем посылки вместо себя нанятых им лиц. Однако же царское правительство не могло обеспечить „очередное войско“ ни жалованием, ни продовольствием, ни вооружением. Для этого у него не было прочной материальной базы.

Учреждение очередного войска имело целью защиту страны от набегов лезгинских отрядов. Но не только это. В § 27 об „очередном войске“ сказано: „Кто знает, может случиться так, что в одну из сторон нашей страны нам придется отправиться не для отражения [внешнего] врага. Тогда мы будем в праве из созданного войска взять с собой столько человек—ополченцев (ჯარობ ჯარო), сколько нам понадобится, а из нашей свиты—кого и сколько мы хотим“. Эти походы царя, направленные не против внешних врагов, имели целью, с одной стороны, подавление возможных

¹ Грузинск. древн., т. 1, кн. 1, док., № 191.

крестьянских волнений, а, с другой — приведение в покорность непослушных царю феодалов.

Но во второй половине XVIII в. крестьянские выступления в Грузии еще не были такой угрозой, которая вызывала бы настоятельную необходимость содержания постоянного войска. По этой причине феодалы и не были заинтересованы в его организации. Более того, очередное войско в руках царя могло оказаться грозной силой для их ограничения и ослабления. Ясно, что со стороны феодалов не могло быть доброжелательного отношения к попыткам создания царем хотя бы примитивной, но постоянной армии. Отсутствием соответствующей материальной базы для содержания постоянного войска и этим враждебным отношением к нему крупнейших феодалов судьба очередного войска была, таким образом, заранее предрешена. Спустя несколько лет оно было упразднено. Набеги и нашествия лезгин и других соседей, имевшие место до образования очередного войска, продолжались и после его упразднения; разбойничьи шайки уводили в плен людей массами, угоняли скот, грабили население.

Как выше было отмечено, лезгины забрали крестьян мдивана Иесея, угнали его буйволов и взяли плуг. Около селения Хашми были схвачены два монаха. Один из них был высокого роста с длинной бородой, на вид здоровый, другой низенький, невзрачный, хилый. Похитители с первым обращались с уважением, а над другим надсмехались и говорили между собой; „Что за этого дадут?“¹ По словам Языкова, „грузин больше половины в полон лезгинами побрано“. По свидетельству Буткова, в 1789 году был создан особый фонд для выкупа „грузин лезгинами плененных и проданных в Дагестан и Персию“. Набеги и нашествия были лучшим средством для добычи невольников, которых продавали на разных рынках азиатских стран. Правительство Грузии и частные лица, с целью спасти положение, прибегали к выкупу пленников. Но этот способ увеличения рабочей силы обходился государству крайне дорого и не мог не

¹ ჰლ. იოსელიანი. ცხოვრება გიორგი მე-XIII, გვ. 149.

подорвать еще сильнее финансовое положение Грузии. На выкуп пленных взятых лезгинами из одной только Кизикии, за 30 лет в царствование Ираклия II было израсходовано 370000 рублей¹.

Напуганные набегами лезгинских отрядов, землепашцы вынуждены были выходить на полевые работы не иначе, как вооруженными. Знатные люди раз'езжали по стране в сопровождении охраны. Население Сомхит-Сабаратиано (Борчало) разбежалось почти все поголовно. Почти во всех сохранившихся документах буквально говорится о существовании в это время большого количества выморбчных и пустопорожных имений в данном районе. Землевладельцы жалуются, что у них осталось очень мало крестьян, что их имения лишены рабочих рук.

С целью выхода из создавшегося положения и создания экономической базы для усиления царской власти, Ираклий II старается увеличить доходы царской казны подчинением себе политических образований Восточного и Южного Закавказья и обложением их данью. Этим объясняются военные походы его и захват Эривани и Ганджи. В 1770 году Ираклий писал мишкарабашу (егермейстеру) Иосифу Бебутову: „Ты ведь знаешь, какое значение имеет Эривань для нашей страны. Оттуда выгоду вместе с другими и ты имеешь. Особенную пользу эта страна приносит нашим горожанам, тебе и это хорошо известно. Поэтому постарайся, прими меры, чтобы это войско отправилось. Князь Мухранский заранее едет туда и войско должно в месте с ним выступить. Отправление войска будет не бесполезно“². По словам Языкова, в 1770 году грузинскому царю платили дань: эриванский хан—30000 руб., ганджинский—10000 руб.³ Начиная с 1780 года эриванский хан был вынужден платить Ираклию от 40 до 50 тыс. руб. в год⁴. Те же цели поднятия доходов царской казны были причиной забот Ираклия II в деле

¹ ს. კაკაბაძე, ახალი საუკუნე. გვ. 184.

² Груз. древн. III док. № 75.

³ Цагарели. Грамоты т. I стр. 187.

⁴ ომან ბერძულაძე. ზ. კიბინაძის გამოც. გვ. 273. Бутков. Материалы II, стр. 75.

эксплоатации ахтальских и алавердских рудников и развития в Грузии горной промышленности.

В 1772 г. кап. Львов писал Панину: „Профессор Гюльденштедт, осматривая е. св. царя Ираклия земли, нашел много железных и медных руд, также некоторую часть свинцу и серебра. Царь Ираклий, ссылаясь на в. гр. с. от 29 октября 1769 г. к е. св-и письмо принуждал помянутого профессора, чтобы он же найденные руды начал разрабатывать, но господин профессор искусным образом от того отговорился“¹.

Через два года (1774 г.) тот же Львов сообщал петербургскому правительству: „За несколько времени пред сим е. св. царь Ираклий выписал к себе из разных турецких мест до пятнадцати человек знающих горное искусство греков и посылал их для осмотра самых тех мест, кои профессор Гюльденштедт здесь осматривал. Сии греки е. св. уверяют, что находящиеся в Грузии разные металлические руды с великою прибылью разрабатывать можно, потому ныне уже и делают здесь для плавильного дела приуготовления“². По словам Буткова, „царь Ираклий получил не малые способы к безопасности своих владений, умножа свои доходы открытыми в 1778 году в недрах земли его, в Ахтале и в других местах, сокровищами в серебре с знатным содержанием золота, меди и железа состоящими, через греков, из Натоллии приглашенных, из Кумышхана, где турецкие рудоплавильные заводы; а сии греки, поселясь здесь, основали селение Мисхани. Рудники эти в те годы приносили царю серебра на 60 тыс. и золота на 3200 руб.“³

Как видно из приведенных данных, Гюльденштедт, по поручению русского правительства, вел в Грузии разведочную работу. Это было продолжением тех нащупываний и изысканий, которые имели место на Кавказе со стороны московского государства в XVII столетии⁴. Когда Ираклий

¹ Цагарели. Грамоты т. I стр. 357.

² Цагарели. Грамоты, I, стр. 404.

³ Бутков. Материалы I, стр. 337.

⁴ См. об этом работу проф. М. А. Полиевктова: „Экономические. и политические разведки московск. государства XVIII в. на Кавказе“ изд. Науч.-Иссл. Инст. Кавказоведения Акад. Наук СССР. 1932.

предложил Гюльденштедту приступить к разработке руд, „господин профессор искусным образом от того отговорился“. Понятно русское правительство было заинтересовано не в развитии промышленности Грузии, а в завоевании Закавказья и обращении его в свою колонию.

Несмотря на это, Ираклий от своего намерения не отказался. Он привлек к делу анатолийских греков, работа была начата, и в начале 80-х годов XVIII столетия ахталские рудники давали царской казне дохода свыше 60 тыс. руб. Ясное представление о том, какие цели преследовал Ираклий и какое значение для увеличения доходов казны имели ахталские и алавердские рудники, видно их письма Ираклия паревичу Юлону: „Мы писали тебе послать в рудники сто человек и теперь сообщаем, чтобы ты послал их под руководством двух юзбашей (сотников). Должен снабдить посланных провиантом на двадцать дней. Не задерживай, скорей пошли. 19^{1/2} халваров муки мы вчера выслали; должно быть это уже получили. С божьей помощью и завтра . . . пошлем... Ты же знаешь, какая подмога для меня эти рудники, они же составляют источник существования и для греков. Ради бога будь усерден в деле этих рудников и этих людей отправь“¹.

Но одними своими средствами и силами грузинский царь все же оказался не в состоянии обеспечить прочность центральной власти и обезопасить страну от иноземных набегов и нашествий. В „Инструкции“, отправленной в 1782 году священно-римскому (германскому) императору, Ираклий писал: „Мы не имеем таких способов, чтоб учредить у себя по европейскому манеру военный порядок, потому что не имеем денег на содержание войска. А ежели магометане и лезгины согласятся обще напасть на нас, то одержат над нами совершенной верхи.. Того ради в. имп. в-о всенижайше. прошу. пожаловать денег на содержание несколько полков“².

¹ Грузунск. древности, III, док. № 59.

² Ц а г а р е л и. Грамоты, т. II, стр. 15-16.

В поисках за денежными средствами и покровительством, Ираклий II обращался то к Западной Европе, то к России, но ему не удалось добиться ни материальной поддержки от европейских государств, ни существенной военной помощи со стороны России. Обращение Ираклия к римско-германскому императору Иосифу II не имело никакого успеха. Результатом русско-грузинского договора, заключенного с Екатериной II в 1783 г., явилась присылка в Грузию двух батальонов русских войск, которых вместе с грузинскими войсками оказалось недостаточно для защиты страны от лезгинских набегов. В результате Омар-хан Аварский нападает на Грузию и, между прочим, подвергает разрушению ахгальские горные заводы, что еще сильнее сокращает доходы грузинского царя. С 1785 г. грузинский царь становится даже данником Омар-хана Аварского.

Насколько было остро финансовое положение страны, можно судить из следующего. В 1779 г. царь Ираклий пишет мигдису Аюпу: „Мы заняли у вас 600 руб., чтобы уплатить лезгинам; мы кроме того должны вам и другие деньги. Бог даст, скоро рассчитаемся“¹.

В 1783 году царь занимает деньги у частных лиц для покрытия расходов, связанных с прибытием в Грузию русского войска. В 1766 г. в Тифлисе строится пушечная батарея. Царица Дарья по этому случаю пишет начальнику Шуамтинского монастыря: „Для строящейся здесь пушечной батареи мы пред сим заняли у тебя известь, которая и пошла в дело. Теперь снова пишем, что на окончание батареи опять нехватило извести, и ты должен отпустить нам взаимнообразно недостающее количество. Мы ее возвратим тебе с божьей помощью; будь уверен, получишь обратно“². Приведенные документы свидетельствуют не только о крайнем финансовом кризисе Грузии. Они в то же время достаточно наглядно показывают вотчинный характер самого государства.

¹ Д. Пурцеладзе. Крестьян. грамоты, стр. 32.

² Аяты К. А. К., т. I, док. № 36. Бақр'адзе и Бердзенов. Тифлис в истор. и этнограф. отношениях., стр. 81.

В таких условиях грузинскому царю было крайне трудно полагаться на военную помощь своих феодалов. „Частные оных земель (Карталия и Кахетия) владельцы между собой весьма несогласны и немалое число оных к царю Ираклию должного почитания, следовательно и любви, не имеют“ — писал представитель русского правительства в Грузии в 1778 г.¹

Это „непочитание“ и „нелюбовь“ доходили часто до открытой борьбы между царем и крупнейшими феодалами. Во второй половине XVIII века феодалами не раз составлялся заговор с целью свержения Ираклия. Чтобы собрать военное ополчение, заставить феодалов выставить дружины, правительству Ираклия II приходилось прибегать к самым строгим принудительным мерам. „Сын мой... Юлон, — писал Ираклий в 1789 г., — ты должен отправиться в Лило и там стать. Мы оставили при себе столько человек сколько нам нужно и дадим им удостоверение; все остальные без исключения должны быть с вами, а кто к вам не явится из таких, у кого не будет выданное мною удостоверение, к тем после завтра должны послать людей и наказать так, как пожелаете вы, или как пожелают находящиеся там дружинники. Разорите, разгромите и так выведите... А если кого-нибудь не удастся вывести, то с таких взыщите: с князей по 20 р., с дворян — по 15 р., а с крестьян — 10 р.“² Но несмотря на эти неоднократные обращения Ираклия к царевичам, сидевшим в своих уделах, попытки Ираклия организовать и подготовить оборону Тифлиса во время нашествия Ага Магомет-хана оставались безрезультатными. „Царевич Георгий, — пишет очевидец Артемий Араратский, — не один раз собирал в Сигнахе просимое отцом его вспоможение и вы провождал их из города, но они (дружинники) возвращались окружными дорогами назад и расходились опять по домам, ибо они мыслили не столько о защите отечества, сколько о том, чтоб успеть собрать с полей хлеб, сделать вино и тем доставить семействам своим пропитание“³. Очевидно, защита Тифлиса от

¹ А. Цагарели. Грамоты, т. I, стр. 358.

² Грузинск. древн., III док. 68.

³ Жизнь Артемия Араратского ч. 2, II, стр. 13.

внешнего врага и призывы царя о помощи ни владельческим князьям, ни широкому населению страны не представлялись делом первостепенной важности. В условиях экономической разобщенности отдельных районов, интересы периферии не были тесно связаны с интересами столицы. Сельское население не отказывалось стать на защиту своего района, но весьма неохотно шло на защиту отдаленного от него Тифлиса. Царевич Георгий пишет Иосифу Корганову: „Его высочество приказал вывести население из деревень, начиная с Какабети вплоть до Марткопи, и привести в Тифлис. Но сагареджийцы, оказывается, заявили царю, что они в Тифлисе не могут собраться и согласны пойти или в Телав или в Кизики... Если это¹ дело не состоится, то в городе (Тифлисе) никто не останется, все население уйдет оттуда... Горожане Тифлиса, хотя при мне не осмеливаются, но другим говорят, что они уйдут к русским в Сапурцле. Хорошо подумай ты об этом, что это будет означать. Я об этом написал его высочеству, пишу и тебе, как человеку, имеющему отношение к городским делам. Нужно позаботиться, чтобы царь и царица прислали до пяти усердных князей, чтобы при помощи их вывести население, начиная с Какабети, и привести в Тифлис. Тогда и в городе станет спокойно и нам удастся дать отпор врагу“¹.

В приведенном письме содержатся еще более тревожные факты. В нем мы видим не только безразличное отношение периферии к делу военной обороны Тифлиса, но и отрицательное настроение городских элементов к этой обороне по причине полной ее безнадежности. Слова царевича указывают, помимо того, на явное недовольство горожан царской властью и ее неспособностью защищать безопасность купечества и других слоев городского населения. И это понятно. Царская власть, при всем ее желании, не могла в это время создать в стране спокойствие и безопасность и тем самым обеспечить, между прочим, необходимые условия для развития торговли как внутренней, так и внешней. Как мы уже ранее упоминали, грузинских купцов грабили и в Иране, и в Турции; их

¹ Грузинск. древности, т. III, док. № 317.

продавали в неволю и убивали, и царь против этого не мог принять решительных мер. Купечеству приходилось самому вооружаться и быть готовым к защите от нападения разбойничьих шаек на караваны.

Кроме того, что торговля в Грузии была лишена надежной защиты со стороны государства, само правовое положение торгового класса было далеко незавидное.

Общую, но довольно верную картину в этом отношении дают законы Вахтанга VI, которые оставались в силе и в описываемый период. Согласно этих законов, купцы в правовом отношении стояли значительно ниже дворян. Самые богатые из них (первой категории) приравнивались только к дворянам второй категории. Средние купцы (второй категории) были приравнены к дворянам третьей категории, купцы же мелкие (третьей категории)—к полузависимым крестьянам (мсахурам). Вира (денежное взыскание) за убийство князя первой категории превышала виру за убийство купца той же категории в 16 раз; вира за убийство дворянина первой категории превышала виру за убийство купца первой категории в 2 раза, а купца третьей категории — в 8 раз.

В силу этих обстоятельств купечество и родственные им социальные группы становились в оппозицию к существовавшему тогда государственному порядку и предъявляли царю свои требования. В 1796 г. горожане Тифлиса заявляют Ираклию: во-первых, если есть возможность, укрепить город; во-вторых, если город укрепить не удастся, найти и предоставить им другое место, где бы они чувствовали себя в безопасности, чтобы не случилось так, „как в тот раз“, и бежавшие отсюда не были бы разорены и разграблены на новом месте¹. Но этим дело не ограничивалось и торговцы и ремесленники стали искать спасения самих себя и своих капиталов за пределами Грузии. Они тянулись и протягивали руки к России, соглашались быть даже под властью Иранского шаха. Они готовы были мириться со всякой, но твердой властью. Царевич Александр в 1797 г. писал царице

¹ Грузинск. древности, т. III, док. № 326.

Дарье: „Армяне (подразумеваются торговцы, откупщики и реленники), живущие в Душете, протягивают руки к России; и карталинские ведут себя важно“¹.. Иосиф Корганов докладывает царице Дарье: „Вы пишете, что в уходе горожан обвиняют моего племянника. Моя государыня, если этому делу мой племянник способствует, то тогда я что здесь делаю? Клянусь богом, что ни мой племянник, ни я никогда не думали переселяться в Россию, не давали мы таких советов и нашим горожанам. Армян отсюда отправил тот, кто взятку взял“².

В другом документе читаем: „Мишкарбаш собрал всю городскую сволочь и сказал: „Пока будем ждать русских, и если они не придут, тогда напишем письмо Ага-Магометхану и станем его подданными. Он (Ираклий) теперь в Кахетии и пусть там властвует“³.

„Все кроме нас — двух армян, поддерживают этого неверного“ (Ага-Магомет-хана), — писал Иосиф Бебутов царевичу Юлону⁴.

Не находя в грузинском царе надежной защиты, состоятельные люди, занимавшиеся коммерческими делами, в конце XVIII века стали организаторами неудавшегося заговора, имевшего целью свержение Ираклия и возведение на престол другого, более приемлемого для них кандидата⁵. Немудрено, что они готовы были броситься в объятия иноземной силы, обещавшей им и способной, по их мнению, устранить существующие препятствия к широкому развитию торговли. На этой почве, между прочим, шло сближение между надвигавшейся с севера экспансией царской России и представителями купечества Грузии. Само собою понятно, что это обстоятельство еще более осложняло положение Грузии, переживавшей в конце XVIII в. финансово-экономический кризис и раздираемой внутренними неурядицами и дворцовыми интригами.

¹ Грузинск. древности, III, док. № 241.

² Грузинск. древности, III, док. т. № 376.

³ Там же, док. № 386.

⁴ „ „ № 132.

⁵ Грузинск. древности, № 138.

Значительное количество сохранившихся и использованных нами документов дали возможность нарисовать довольно подробную картину жизни Грузии во второй половине XVIII в., на основании которой можно достаточно отчетливо представить себе как экономическое положение этой страны в описываемый период, так и существовавшие в ней в то время политическо-социальные отношения.

Резюмируя все сказанное, можно с достаточной уверенностью утверждать, что во второй половине XVIII в. в Грузии мы еще не видим сколько-нибудь заметной интенсификации сельского хозяйства, смены натурального хозяйства товарным производством, тем более, зарождения и роста аграрного капитализма и заметных следов обуржуазивания грузинского дворянства. Все это нужно иметь в виду, когда вопрос касается сословно-классовых противоречий населения Грузии и роли этих противоречий в русско-грузинских отношениях конца XVIII века.

В описываемый период мы видим лишь незначительное накопление капитала, которое шло по линии торговли, откупов и ростовщичества. Накопление в руках частных лиц превышало накопление в царской казне. Но денежные средства не направлялись ни на развитие промышленности, ни на интенсификацию сельского хозяйства. Слабостью общественного разделения труда обуславливалась чрезмерная ограниченность рынка для предметов обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Люди, обладавшие более или менее значительными средствами, не были заинтересованы в помещении капиталов в производство, так как последнее давало совершенно незначительный доход, по сравнению с ростовщическими и откупными операциями. В промышленности потому господствовало исключительно мелкое ремесленное производство.

Состояние ремесленного производства в городах и промышленности вообще не могло оказать сколько-нибудь заметного влияния на развитие сельского хозяйства и его интенсификацию. Если спрос на предметы обрабатывающей промышленности был ограничен, то не лучше обстояло дело в этом отношении и в сельском хозяйстве.

Охарактеризованным выше экономическим базисом определялась и политическая обстановка страны. Отсутствие денежно-товарного хозяйства, низкий уровень производительности крепостного труда, незаметный процесс накопления капитала, все это вместе делало невозможным создание постоянного войска и сильного политического центра, в устойчивости которого был бы заинтересован класс крупнейших землевладельцев. Частые иноземные набеги и нашествия еще больше углубляли финансово-экономический кризис страны и сильно понижали численность ее населения. Купечество, интересы которого были лишены надлежащей защиты, становилось в оппозицию к существовавшей власти и искало поддержки и спасения в иноземной силе. При таких условиях все робкие и непоследовательные попытки царской власти в конце XVIII в. провести хоть сколько-нибудь существенные реформы внутри страны, создать для Грузии более или менее устойчивое международное положение, были заранее обречены на неудачу. Эти же условия в конце концов предрешали падение царства династии Багратионов и ту судьбу Грузии, которую пришлось ей пережить под властью русского царизма.

О П Е Ч А Т К И

Стр-ца	Стр-ка	Напечатано	Следует читать
325	6 снизу	взаимоотношения	взаимоотношения
329	2 „	маурава	моурава
334	11 сверху	владеющий	владеющий
337	10 „	политического	политического
338	16 „	оказался из самых	оказался одним из самых
342	3 „	и во власти	и власти
346	16 „	сопелия	сопелиа
351	15 снизу	протяже-	протяженная
352	12 „	самаспидло	самаспидляло
358	4 сверху	кочующих защитников	кочующих народов
362	21—25	Быть может, этим и объясняется верность Кахетии власти Багратионов не только при жизни Ираклия II, но и в начале русского владычества, когда кахетинские князья и даже крестьяне восстали против новой инородной власти и требовали возведения на престол одного из Багратионов.	Возможно, что это было одной из причин того, что кахетинское дворянство, больше, чем дворянство других частей Грузии, проявило верность роду Багратионов, и это имело место не только при жизни Ираклия, но даже в начале русского владычества, когда происходили восстания против инородной власти.
378	3 снизу (примеч.)	წესწუდობღბღ	წესწუდობღბღ
386	9 „ „	ხელმწიფღს	ხელმწიფღს
386	9 „ „	ჩღვღნი	ჩღვღნი
387	4 „ „	სღსღტღ.	სღსღტღ.
389	3 сверху	солько-нибудь	сколько-нибудь
389	3 снизу	и у величению	и увеличению
395	17 сверху	Джавихишвили	Джавахишвили
396	9 снизу (примеч.)	კღლღქღცღიღ	კღლღქღცღიღ
402	5 „ „	მღღღღბღრღვღბღ	მღღღღბღრღვღბღ

Стр-ца	Стр-კა	Напечатано	Следует читать
403	14	სივით	там их
404	3	„ (примеч.) გრავ.	Грав.
405	11	სამეფო	царицу
406	15	„	ими
407	11	„	правильном севообороте, правильном севообороте
408	18	„	содержания
408	3	სივით-სივით	სამეფო-სამეფო
411	6	სივით	твоей
412	13	„	основной
412	11	„	ни
412	12	სივით	принадлежали
412	12--11	„	Орбелиანი
413	12	სამეფო	гегемония
413	2	სივით (примеч.) ურთიერთობა საქართველოში;	ურთიერთობა საქართველოში
414	11	„	ჩვევისა
414	2	„	საქ. სივით
415	17	„	мураву
425	10	სივით	кущи
426	1--2	„	ремесленники

